

Пленники Зоны. Кровь цвета хаки

Автор:

Сергей Волков

Пленники Зоны. Кровь цвета хаки

Сергей Александрович Коротков

Тим Волков

Апокалипсис-СТПленники Зоны #4

Он – зло и негатив Зоны. Он враг. Его стремятся убить все: вояки, наемники, ренегаты и даже сталкеры. Изгою Зоны нет места ни в ней, ни за ее пределами. За что судьба-злодейка стала так жестока к нему? Почему весь мир объявил ему бойкот? Как быть дальше с таким грузом, постоянно в бегах, выживая каждый день, час, минуту? И как доказать всем, что ты не тварь, не порождение Зоны, а нечаянная жертва?

А пока что пуля в спину и «волчий билет». И долгий изнурительный бег от смерти и в поисках правды. Потому что без истины бывшему прапорщику, Легенде Зоны и лидеру «Неприкасаемых» Корсару, потерявшему человеческий облик, не выйти за Периметр и не вернуться в люди.

Сергей Коротков, Тим Волков

Пленники Зоны. Кровь цвета хаки

© Волков Т, Коротков С., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

«...et vocem de functo in corpore quaerit» (лат. «...и ищет голос в мертвом теле»)

Пролог

Костер весело трещал, бросая в ночное небо снопы искр, озаряя отсветами пламени мужественное, покрытое седой щетиной лицо мужчины. И грел, грел все его тело после долгого похода и холодной погоды. Вытянутые к огню ноги отдыхали, влажные, местами грязные берцы источали легкий пар, начиная просушиваться. А после глотка водки из фляжки даже на душе стало теплее, не говоря уже об организме. Рядом, на вещмешке, лежал автомат, по периметру поляны была натянута сигналка, в рюкзаке за спиной – редкий, многофункциональный, а потому дорогуший артефакт «мумие», который кроме прочих способностей еще и отпугивал всякую нечисть.

Человек был спокоен, он не боялся нападения ночных мутантов, поэтому мог себе позволить сосредоточиться на тексте мятой бумажки, что лежала в ладони. В отсветах костра неровные детские строчки словно источали дополнительное тепло и добро. А еще – жалость. Ведь писала этот текст маленькая дочурка, уже месяц лежавшая в больнице с роковым диагнозом. И писала она папе откровенные и полные нежности слова...

Папуля, когда ты уже придешь? Я скучаю и очень-очень жду тебя. Тетя Зина говорит, чтобы ты скорее приезжал, она все время плачет и улыбается. А еще отворачивается. Всегда, когда я смотрю на нее. И опять плачет. Даже когда у меня не болит голова. Вчера сильно болела. А сегодня немножко. Но я сильная, ты же говорил мне, когда уезжал, чтобы я была сильная. Папа, я у тебя молодец. Я терплю и буду терпеть. Но ты приезжай. Мне плохо без тебя. Когда я скучаю по тебе, голова еще больше болит. Папа, а еще... вчера меня вырвало. Я плакала... Папуль, ты обещал привезти мне камушек красивый. Я теперь знаю, кто такие геологи. Тетя Зина сказала. Они уезжают надолго в горы и ищут красивые и дорогие камушки для своей Родины. Найди мне тоже камушек. Чтобы

светился и теплый был. Я хочу держать его в руке и вспоминать тебя и маму. Я тебя люблю. И жду. Вот нарисовала тебе камушек, который жду. Такой можно? Приезжай, любимый папочка. Пока. Твоя доча Настя.

Мужчина перечитывал эти строчки только за вечер уже пятый раз, а сколько раз он впивался в них взглядом за прошедшую неделю – не поддавалось счету. Он смахнул с грязной щеки слезу, сжал бумажку в кулаке и долго сидел не шевелясь. Потом снова развернул письмо и стал смотреть на цветной рисунок дочки, выполненный карандашами, – бриллиант, испускавший лучи, словно солнце. Как она угадала, что камушек должен быть похож на тот амулет, что у мужчины сейчас был на шее? Почти прозрачный, искрящийся, похожий на кварц, точнее, на горный хрусталь. А на самом деле – священный камень, по сути, артефакт. Рука машинально вынула из-под одежды висевший на груди амулет, отблеск пламени в гранях камня приятно удивил. «Вот этот камушек я и несю тебе, доченька! А еще – лечебный артефакт «мумие», который спасет тебя. Ты только не умира... не... ты держись, Настиша моя! Я завтра перейду кордон, к вечеру буду в городе. А уже утром с доктором я смогу быть у тебя. И исцелить твой недуг. Только не уми... Держись молодцом. Ты и правда у меня сильная!»

Мужчина спрятал амулет. Темень за пределами светового ореола костра продолжала молчать и слушать мысли одинокого путника. Зона ему благоволила, потому что он был ее аборигеном, искателем и странником, который возвращался из долгого изнурительного рейда с бесценным артефактом для больной дочери. И Зона не только разрешила ему забрать этот святой дар, но и отпускала частичку себя прочь, за Периметр. Ведь этот человек давно стал неотъемлемой частью Зоны, ее Легендой...

Глава 1. «В спину, сзади!..»

Отряд скрытно продвигался в сгущающихся сумерках вдоль опушки леса. Вдоль, но не выходя за его пределы, дабы не быть замеченным возможными противниками, коих здесь, в Зоне, хватало с избытком.

Бойцы ГОНа[1 - Группа особого назначения.] дело свое знали, они слыли матерыми воинами: шли аккуратно и шустро, не привлекая внимание даже местных тварей. За истекшие двое суток рейда парни – «гонщики», как их

называли здесь, – прошли тридцать километров, выполнили поставленные руководством задачи и попутно «полечили» Зону, то бишь уничтожили, кроме рассадника ренегатов в Лиманске, еще и четверых сталкеров, трех бандитов и кучу мутантов.

Ликвидировать «незарегистрированных лиц» в зоне отчуждения и зачищать ее от злобной звериной нечисти тоже входило в обязанности вояк помимо охранения границ закрытой территории и проведения специальных операций в ней.

Полчаса назад командир группы, старший лейтенант Долгушин (позывной Долг), доложил в штаб о выполнении задания и возвращении на базу, а также о месте нахождения группы, от которого до конечного пункта оставалось пара часов ходьбы. Ничто не предвещало трагедии, бойцы шли уверенно, вереницей, не теряя бдительности, не имея «двухсотых», а лишь двоих легкораненых.

И тут замыкающего группы, сержанта Гресько (позывной Шпик), угораздило заметить в распадке между холмами, во тьме, мерцающий огонек. И боец – как снайпер подразделения, имеющий СВД[2 - Снайперская винтовка Драгунова, 7,62 мм, жаргонное название: «весло»] с громоздкой ночной оптикой, – решил изучить природу этого светлячка. И изучил...

– Шпик, ты чего там застрял? – пикнула гарнитура радиосвязи на ухе Гресько.

– Сталкерятиной пахнет, – шепнул сержант, высматривая в оптику костерчик в низинке, в полукилометре от группы. – Бродяга у огня греется. Верняк, сталкер!

– Пошли уже. Мы почти дома, какого лешего застревать тут? – Напарник снайпера, спецназовец с позывным Чок, тоже в звании сержанта, подкрался на полусогнутых, присел у куста рядом с товарищем.

– Не-е, обожди, Димон, я аккуратненько так сниму его, и пойдем дальше.

– Кончай палить тут. Тишина – вона какая! Лес за спиной, до базы всего ничего осталось. На кой черт гроыхать, зверье собирать? Да и летеха[3 - На сленге армейцев – офицер в звании лейтенанта.] не одобрит нарушения маскировки.

– Я быстро, чики-пуки, и все! Ты потише говори, командир и не услышит. Во-он он, бедовый, сидит спиной к нам... Не-е, точно сталкерюга! Ручаюсь.

– Вот ты, блин, стрелок, черт побери! Лишь бы пощелкать кого-нибудь. Не настролялся, что ли, в рейде? – Чок пристально вглядывался в далекое оранжевое пятнышко.

– Да помолчи ты! Накличешь тут...

В наушнике раздался строгий голос старшего лейтенанта Долгушина, шагающего где-то впереди группы:

– Шпик, Чок, что там у вас? Почему отстали?

– Накликал, чтоб тебя!.. – чертыхнулся сержант Гресько, смахивая рукой каплю пота со лба, и искоса грозно взглянул на товарища. – Командир, тут это... сталкер на три часа. У костерка кашу варит, надо бы снять.

– Сталкер, говориш-шь? Почему так реш-шил? – прошипела гарнитура связи. – У меня КПК[4 - Карманный персональный компьютер, личный «наладонник»] в спящ-щем режиме, идентификации нет. Или ты, Ш-шпик, в темноте все же научился филином зырить?

– Я их, гадов, за версту чую. И этот, судя по одежке и раскладу, голимый сталкерюга. Командир, разреши свалить его?

– Сколько до него? Не вижу в бинокль... С глушака не снять?

– «Валом» не достать. Метров пятьсот будет.

– Пол кэмэ?! А попадешь? Нам подранков не надо в рейде. Сам знаешь, Шпик.

– Как два пальца, командир! Даешь «добро»?

– Вали. Только точно убедись, что это сталкер, а не дозор «Пепла» и не разведка «НовоАльянса».

– Так точно. Обижаешь, командир!

Снайпер вытянулся в струну, лежа на полусгнившей листве за кустом дикой смородины и не обращая внимания на кислое выражение лица напарника, замер на секунду перед выстрелом. Он выбрал точку ровно посередине спины человеческого силуэта, плавно потянул спусковой крючок. Хлопок заставил вздрогнуть сидящего рядом сержанта Вешкина, который пытался разглядеть вдалеке цель поражения.

– Ну что, Чок-паучок-получок, пойдём, заберем хабар «двухсотого»! – с ехидной улыбкой Шпик стал подниматься, закидывая на плечо винтовку. – Был сталкер, и нет его больше. Одним гадом на этой вшивой земле стало меньше. Айда туда.

– Куда? – Напарник вздернул брови, удивленно уставившись на товарища.

– Блин, кашу доедать и носки сушить с рейда... – пошутил Шпик, выпрямившись во весь рост. – Конечно за его наживой, куда ж еще?! Тебе чо, много в рейде досталось? А у этого – явно полна котомка артефактов. Пошли, паря.

– Земеля, ты чо?! Командир добро не давал на отход от группы. Только на уничтожение. Тут с полкилометра будет, туда-сюда, там пять минут, итого полчаса уйдет. Летеха выплет по первое число, мама не горюй!

– Чего ты канючишь?! Ща я отпрошусь у него.

– Сдурел?..

Но сержант Гресько уже нажал кнопку гарнитуры и обратился к старшему группы, глядя на округлившиеся от страха глаза Вешкина:

– Командир, тут это... Такой расклад. Я его снял, этого сталкера, а у него рядом, под рукой, сидор полнехонький. Бьюсь об заклад, там стопудово с десятков артов покоится. Командир, разреши метнуться до костра, прихватчу хабар эвоный да за одно контрольный сбацию. А?

– Балда! – раздраженно ответил наушник, даже Чок сморщился, глядя на кислую физиономию друга. – Хабар эвоный! Сам ты эвоный... По фене ботаешь, как

рenegат вонючий! Сколько можно вас культуре учить?.. – И уже менее возбужденно продолжил: – Ты всю группу сейчас осадить на полчаса, когда до базы осталось с полкарася.

– Товарищ старший лейтенант! Я... я быстро, за пять сек успею. И вон... сержант Вешкин меня подстрахует от всяких форс-мажоров. – Шпик подмигнул напарнику, который жестами и мимикой показал «вот те на». – Половина хабара сталкерского ваша, товарищ старший лейтенант, ну... как обычно. Разреши, командир?

Некоторое время гарнитура молчала: видимо, старший ГОНа размышлял над просьбой подчиненного. Шпик понимал это и, замерев, терпеливо ждал ответа. И дождался, довольно оскалившись.

– Сержант Гресько, бери сержанта Вешкина, пулей у меня туда-обратно, забрали вещдоки, зачистили точку и вернулись. Бдим аномалки, следов не оставляем, время на все – пятнадцать минут. Ждать вас будем у мостика через речку, шестьсот на одиннадцать, за лесом. Как понял меня, Шпик?

– Есть. Понял, командир! Выполняю...

Снайпер отключил гарнитуру, хлопнул по плечу напарника:

– Вот видишь, Чок-получок, а ты боялся...

– ...Заткнись, архаровец! Придумал, блин... Херня на постном масле. Чую, не к добру это...

– А пару артов в карман на полгода безбедной жизни не хочешь? Слышал, командир засуетился там? Вещдоки ему. О как?! Пошли уже. У нас времени в обрез.

– А если он там не один?

– Кто? Сталкер этот? Я что, слепой, по-твоему? Один он был... Как пить дать – один! Шевели колготками, дружбан. И бди аномалки впереди.

Бойцы выдвинулись с исходных, явив себя взору печальной луны, и быстро засеменили к цели. Их подгоняли чувство наживы, ощущение своего преимущества в этой дикой местности и совсем немного страх. Страх попасть в природную ловушку Зоны в каких-то пяти шагах от жирного халявного куша. Вся эта гремучая смесь будоражила их, прибавляла сил, подгоняла вперед. Но в то же время притупляла разум...

Костер весело трещал обугленными поленьями, озарял полянку, сооруженный из еловых лап шалашик, а еще мерцал отблеском натянутой проволоки.

– Сигналки наставил, бродяга. Ишь, продуманный! – отметил Шпик, показывая напарнику на ловушку и осторожно переступая ее. – Чок, глянь по периметру поляны, я проверю скарб этого оленя.

– Угу. – Вешкин кивнул, взял чуть левее, по краю поляны, но искоса все же взглянул на убитого.

Это был мужик на вид лет пятидесяти, с короткими пепельно-седыми волосами на опаленной огнем голове, он лежал лицом вниз и не шевелился. Да и не мог бы он уже шевелиться, когда разрывная пуля из СВД пробилась... Сержант присмотрелся и заметил на спине трупа плоский рюкзачок – судя по габаритам, почти пустой: лямки вокруг плеч, правая рука мертвеца почти до локтя в костре. Вешкин сморщился, понимая, что пламя пожирает уже не только ткань куртки убитого, но и плоть. Если бы сталкер был еще живой, то от боли начал бы корчиться и орать. А так... покоился мужик на горячей земле и не подавал признаков жизни или беспокойства.

– Ишь, как я четко слупенил его! – Довольный Гресько присел рядом с телом, бегло осмотрел результаты своего выстрела. – Кровяки сколько... Прямо между лопаток всадил ему. Даже рюкзак не спас. Насквозь. Кстати, чо тут у нас?

Снайпер без зазрения совести ловко развязал узел, раскрыл горловину рюкзака, налобным фонариком осветил его внутренности и разочарованно прошипел:

– Вот же гадство! Ты гля... был артефакт – и нет его. И аптечку пробил, и арт. Одна жижа зеленая от него... Тьфу! Склизко. Никак спайку нарушил разрывной?!

– Да брось ты его! Вон другой сидор, полнехонький, – подсказал Вешкин, приближаясь к костру. – Забирай, и валим. Времени в обрез. Летеха нас закопает за опоздание.

Гресько кивнул, продолжая осматривать убитого им сталкера, но в отличие от напарника не морщился при виде обгорающих в огне пальцев мертвеца и тлеющей кожи на его запястье. Шпик сноровисто обшарил покойника, выудил нож «Касатка», сорвал с мощной, почти борцовской шеи сталкера веревочку со сверкающим амулетом, поднялся с корточек, забирая тяжелый вещмешок.

– Татуированный ты мой! – сказал сержант, криво ухмыльнулся и пошел в сторону. – Чок, все, валим. Нема тут больше хорошего. Забери «калаш», костер пусть горит себе. К утру шашлык от сталкерюги останется.

Вешкин согласно кивнул, прихватил трофейный АК-103 и направился вслед за товарищем. Бросил прощальный взгляд на убитого: коренастое телосложение, истоптанные, выдавшие виды берцы, потертая рыбацкая куртка, камуфляжные штаны, разодранный рюкзак на спине. Взглянул и забыл.

Бойцы растворились в темноте, окутывающей поляну, и уже бегом припустили по тому пути, которым добрались сюда. Ведь он уже был проверен.

Вскоре они благополучно достигли речушки и мостика, возле которого их ждал отряд.

– Сталкер «двухсотый». Вот сидор, я его не смотрел, считаю, что вы, товарищ старший лейтенант, первым должны оценить хабар. – Сержант Гресько протянул вещмешок командиру, попыхивающему сигаретой, спрятанной, чтобы не светиться в темноте, в кулаке.

– Молоток! Верю. Разделим по-братски. – Долгушин затушил о край берца окурки, присел рядом со снайпером и стал развязывать сидор. – Документы сталкера глянул или КПК его прихватил?

– Э-э... – Шпик нахмурил лоб, улыбка с его лица медленно сползла. – КПК неликвид, его пулей пробил в заспинном рюкзаке, а доки, поди-ка, в сидоре лежат.

– Точно сталкер? Не ошибся? – как бы между прочим бросил старлей.

– Командир, обижаешь! – Сержант выпятил нижнюю губу, обкусанную до крови. – Чок, скажи же...

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Сталкер, – добавил Вешкин, следя за манипуляциями офицера. – У него прикид сталкерский, и наколки на шее и запястье. На том запястье, что огонь не повредил.

– Огонь?! Вы его там что, зажарили?

– Сам бултыхнулся в костер, когда пуля срезала. – Гресько снова заулыбался, скребя пятерней бородатый подбородок. – Я разрывной всадил, пуля разворотила рюкзак с содержимым и спину бродяги. Жалко, арт хороший кокнула, типа мутагена или спайки. Да КПК с аптечкой разорвало.

– В затылок надо было влепить, – пробурчал старлей, раскрывая сидор и возясь с фонариком на шлеме. – Что за наколки? Уркаганские или имя?

– Да так... Фигня какая-то. – Снайпер в предвкушении наживы облизнул губы и подсел ближе к командиру. – На козынках – типа «САША», на шее – «ВДВ», а на предплечье, кажись, «Неудержимые».

– «Неприкасаемые», – поправил напарника Вешкин и вздрогнул от реакции старлея, резко вскочившего с корточек.

– Кто-о?!

– Что – «кто»?

– Твою мать! Так неудержимые или... – Офицер запнулся, с трудом проглотил ком в горле и уставился на опешившего Гресько... – Или неприкасаемые?

– Д-да-да, – замямлил снайпер, сделав шаг назад и чуя нарастающий гнев командира. – Точно «Неприкасаемые». Я еще удивился, чо за хрень у какого-то сталкерюги...

- ...С-су-ука-а! Вот же ж срань!..

Долгушин с обреченным видом стянул с головы шлем, бледность его лица стала заметна даже во мгле, чуть озаряемой луной и тремя фонариками бойцов (остальные вояки замерли с выключенными, бросая косые взгляды на говоривших). Губы офицера, вечно угрюмо сжатые в рейдах, сейчас заметно задрожали, глаза сверкнули каким-то нехорошим блеском.

- Повтори подробно, воин, что за наколки были на теле убитого, где именно?

- Ну...

- ...Без «ну»... - рявкнул Долгушин. - Четко и по существу, придурок ты долбаный!

- Командир!

- Молчать, ур-роды! Говори ты. - Старлей показал пальцем на сержанта Вешкина.

- На шее сбоку, где сонка, надпись «ВДВ». На козынках левого кулака - имя «САША». Костяшки сбиты, как... ну, как у нас, у спецназа, но буквы видно. А на предплечье от запястья до локтя - слово «Неприкасаемые». И молния... типа...

- Звездец! - Офицер с округлившимися от шока глазами застыл истуканом, потом вздрогнул, перевел злой взгляд с Вешкина на Гресько, которому стало вдруг очень не по себе. - Вы же, дебилы, сказали, что он в куртке был и вообще горел в костре. Как же вы разглядели татуировки, какие запястья, а? У него что, рукава задраны были?

- Ну да... Задрался один, а может, закатан был. Я щас не помню... - забормотал, заикаясь, Шпик и отступил еще на шаг.

- ...Ты, сволочь, сейчас у меня все вспомнишь! Ты у меня мать родную забудешь, мразь, а вот сталкера этого у костра до родинки на заднице вспомнишь. КПК! Черт... Разбит же... Паспорт. У него могли оказаться доки... Сидор!

Старлей метнулся к раскрытому вещмешку, грубо перевернул его вверх дном, вывалил все содержимое на траву. В свете фонариков блеснули скрученный пояс для артефактов, портсигар, фляжка. Но не к дорогушим (на «черном рынке») сувенирам Зоны бросился офицер, а стал искать среди всего этого скарба какой-нибудь документ с персональными данными убитого сталкера. Еда в тетрапакете, набор выживания, грязное белье и тельняшка...

- Так вы еще и десантуру завалили? Своего грохнули, уроды!

- Командир, так тут в Зоне полно бывших спецов и вэдэвэшников... - попытался выкрутиться Гресько, но, поймав суровый взгляд старлея, умолк.

- Бараны, вашу мать! Если... если это из «Неприкасаемых», если это... капец вам... И мне звездеч!.. - бормотал Долгушин, разбирая пожитки мертвеца.

Оба сержанта недоуменно переглянулись, на испуганной физиономии Вешкина отразилось сожаление. Гресько же, переборов страх перед последующим гневом командира, озвучил свое любопытство:

- Командир, а чо случилось-то? Сталкер он... был... Верняк.

- Вот же срань!.. Никаких доков нет и КПК нет. Кто он на самом деле? Вспоминай, Вася, вспоминай...

- Командир, кто такие эти «Неприкасаемые», что ты так вспотел при их упоминании? - отозвался от мостика замбой[5 - Заместитель командира по боевой части в военных подразделениях.] с позывным Завуч. Подошел ближе.

- Если этот «двухсотый» действительно из «Неприкасаемых», то это полный абзац! Капец нам всем.

- Не слышал про таких. Типа бастионовцев?

- Хуже. Завуч, ты что, не слышал про них? Ах, да-а, ты же позже пришел, это я два года до тебя был откомандирован... «Неприкасаемые» - это наши предшественники здесь, в Зоне, армейцы, направленные «НовоАльянсом» из другого времени и измерения с секретной операцией. Скажу больше... Это спец-

наз ГРУ[6 - Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.].

- Генштаб санкционировал операции в Зоне?!

- Видимо, так. Командовал группой майор Топорков. Позывной «Истребитель». У него был допуск «А» и красный уровень по протоколу.

- Ни хрена себе! Подчиняться не надо никому, возможность валить всех и свободное перемещение?! Зашибись. - Лицо Завуча вытянулось от удивления и стало похоже на лошадиную морду, впрочем, физиономии остальных бойцов выглядели не лучше. - Так, а при чем здесь убитый сталкер?

- Я уже сильно сомневаюсь в том, что этот мужик, которого Шпик завалил, - старлей злобно зыркнул на снайпера, отчего тот даже присел, - простой сталкер-бродяга. Тату с лейбой «Неприкасаемых» после операции Истребителя стали носить только его воины и те приближенные, которые участвовали с ним в секретном рейде, а потом слились в отдельную группировку. И, скорее всего, этот «двухсотый» именно из них.

- Атас-с!

- Тату, коренастый, под пятьдесят, тельник... - Долгушин шептал эти слова и все больше и больше хмурился. - Кто же подходит под эти описания? Я же видел их... Помню немного. Бар... База армейцев на Складах... Спецназ улетучился в другое измерение. Сам майор отпадает. Да и его ребятки тоже... Кто остался? Кэп? Тот на Большую землю свалил с концами... Аперкорт... В квад «Пепла» подался. Зубоскал? Блин... Кто там еще у Корсара был?..

«Корсар! - Эта мысль обожгла мозг старлея. - Ну конечно же, лидер «Неприкасаемых»! Легенда Зоны! Твою мать!..»

Долгушин медленно распрямылся, сделал шаг к Гресько и схватил его за грудки. Подтянул бойца к себе и уставился прямо ему в глаза.

- Ты, баран, знаешь, кого завалил там? - ядовито прошипел офицер.

Перепуганный сержант помотал головой, мгновенно бледнея и морща от страха лицо. Бойцы подтянулись ближе, прислушиваясь к словам старшего.

– Под это описание подходит только один человек в Зоне. Ну, если у него не появился брат-близнец, твою мать! А братьев у него нет. – Старлей сверлил подчиненного бешеным взглядом. – Корсар. Лидер «Неприкасаемых». Легенда, мля, всей Зоны прошедшего десятка лет. Ты, сука, опять нагадил, не разобравшись. Сволочь!

– Вась, чо за Корсар? – посмел встрять замбой.

– Завуч, ты глухой? – не оборачиваясь к помощнику, хрипло бросил Долгушин, продолжая испепелять гневным взглядом снайпера. – Корсар! Отличный воин, десантура, мужик. Тот, что работал с Истребителем. Тот, который объединил сталкеров Зоны, выбил всякое отребье, четко разграничил сферы влияния всех кланов, помог не только «НовоАльянсу», но и заслужил славу и почет Министерства обороны. Корсар! Лидер самой могущественной группировки Зоны. По сути, наш союзник и тот, за кого горой встанут все. Слышишь, чучело, все-е здесь, в Зоне!

Старлей был в таком состоянии, что готов уже был врезать этому жадному тупому сержанту, который втянул его, командира, в большую проблему. Но офицера остановило то, что команду-разрешение отдал именно он сам, старший группы. Долгушин, продолжая держать бойца, закрыл глаза. Что делать в данной ситуации, старший лейтенант пока еще не знал.

– Ко... командир... – проямлил Гресько, осторожно освобождаясь из хватки офицера. – Так это... Давай, мы сгоняем обратно. Удостоверимся, что это не Корсар, КПК разбитый реанимируем, еще какие-то знаки вычислим. Если это сталкер обыкновенный, то оставим как есть. А... а если этот Корсар... тогда зачистим там все. Чтоб ни следа, ни запаха. Отвечаю, командир!

– Он дело говорит, Вася, – отозвался Завуч. – Нехай чешет туда снова и приводит все в порядок. Это его косяк, пускай и исправляет.

– Косяк каждого бойца в группе – дело всей группы! Если ты забыл, замбой, – сердито произнес Долгушин, но на лице его уже блуждала тень догадки. – Так... Сержанты Гресько и Вешкин. Слушайте мою команду. Оставить свою снарягу

здесь, с собой – только табельное и саперные лопатки. Соберите у всех пацанов горючку. Сожжете тело и закопаете. В том случае, если это... гм... Корсар. Стоп! В любом случае труп сжечь и закопать – так, чтобы ни одна собака не нашла. Раз у него наколка группировки Корсара, то они носами землю рыть будут в поисках своего чела. На все про все вам час времени. Мы ждем здесь. Понятно вам? Вопросы?

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Что тебе, Вешкин?

– С какого перепугу я должен идти с этим... со Шпиком? Я не участвовал в его... грязи, а мне сейчас расхлебывать? Разрешите...

– ...Ты там был. К тому же не предотвратил тот роковой выстрел своего напарника. Так что молчи и чеши с ним.

– Й-есть! – выдавил Вешкин и недовольно взглянул на хмурого товарища. – Говорил же тебе! Идиот...

– Вась, может, с ними еще пару бойцов послать? Для быстроты дела, так сказать.

Долгушин холодно посмотрел на замбоя:

– Пусть сами разгребают свое дерьмо. Ждем их здесь. Все.

Сержанты освободились от лишнего груза, прихватили лопатки и горючие спецпорошки, которыми вояки в рейдах уничтожали компроматы, и бегом отправились к цели.

– Ничего... Ничего, – успокаивал себя старлей, нервно теребя сигарету. – Сейчас точно все узнают, зачистят, ни одного следа не будет. И никто не скажет никому, что здесь сегодня случилось. Слышали все? – вслух строго произнес он. – Сейчас ваши товарищи, оплошавшие и никудышные, зачистят то говно, а вы... Чтобы ни один из вас не вспоминал никоим образом, что произошло. Забыли напрочь. И даже во сне, мля! За разглашение будете отвечать передо мной и руководством гарнизона. Считайте, что это подписка. Всем ясно?

Бойцы закивали и продолжили сканировать взглядами местность. Кто жевал сухарь, кто курил «в кулачок», но все восемь спецназовцев размышляли о произошедшем. Только очень тихо, чтобы их мысли не услышал командир.

А виновники случившегося, добравшиеся до тлеющих углей потухшего костра, с ужасом глазели на пустую полянку. Именно пустую. Ни трупа, ни его вещей, никаких следов, кроме крови, там уже не было.

Ошарашенные бойцы осветили фонариками то место, где недавно лежал сталкер, присели, стали шарить руками по еще теплой от кострища почве. И обомлели...

Кровь на цвет оказалась вовсе и не кровью. А какой-то зеленой, вязкой на ощупь, противно пахнущей субстанцией...

Глава 2. В ружье!

Сцена выглядела чересчур напряженной, но, учитывая озадаченные физиономии присутствующих, еще и уморительной. Ей богу, «Ревизор», сцена «Не ждали!» Майор Лапердин, выпучив свои и без того навывкате зенки, пожирал гневным взглядом капитана Мухина по прозвищу Вжик, а тот, в свою очередь, испепелял глазами старшего лейтенанта Долгушина, который пялился на сержанта Гресько, сникшего в углу, будто нашкодивший котяра. Молчание длилось с минуту, отчего душный воздух в кабинете только еще больше накалился, потому что витающие над головами военных чинов мысли буквально наэлектризовали помещение. Этот перерыв в диалоге армейцев был вынужденным и нужным, потому как начальник гарнизона майор Лапердин устал орать и переводил дыхание, утирая пену с пухлых губ носовым платком. Да и не диалог это вовсе был, а, скорее, взрыв на пиротехнической фабрике: мат, ор, брызги слюны, махание руками и грозная поступь взад-вперед по кабинету. Кое-кто подумал, что пауза во всей этой канонаде нужна была для более спокойного продолжения беседы, для сбавления оборотов. Примерно так оно и было.

Майор подошел к настенной карте, грубо толкнув сержанта плечом, включил бра. Свет озарил топольемку всем очень знакомой местности, оконтуренной в виде неправильного ромба жирной чертой красным фломастером. В шапке карты

надпись извещала, что это – зона отчуждения Энского района Энской области, а в скобках – обозначение воинской части и батальона охранения.

– Показывай, где это место, – буркнул начальник гарнизона. – Да не ты, чтоб тебя! – шикнул он, когда сержант дернулся исполнять распоряжение главного.

Старлей подошел и дрожащей рукой указал точку недалеко от заброшенной ЗГРЛС[7 - Загоризонтная радиолокационная станция для системы раннего обнаружения пусков межконтинентальных баллистических ракет.] «Дуга», в трех километрах от кордона Периметра, в километре от речушки. Майор с минуту смотрел на карту, то хмурясь, то расправляя морщины на лбу. После доклада капитана и уточнения деталей у старлея история с уничтоженным членом группировки «Неприкасаемых» приобрела особенный оттенок, спицей засела в голове начальника, ядовитой желчью ополоснула душу. Уже года два в Зоне не происходило никаких косяков, связанных с враждебностью и перипетиями между группировками. И в большей степени – благодаря «Неприкасаемым», которые не только когда-то разрушили накаленную обстановку между кланами, но и отлично помогли армейцам, за них, да еще и без крови, решив кучу проблем. Лидер «Неприкасаемых», Корсар, сам бывший военный, прапорщик ВДВ и герой давно нашумевшей Сомалийской операции, «устаканив» ситуацию внутри Зоны, надолго пропал. Ходили слухи, что он ушел за Периметр, примкнул к какой-то неизвестной группировке каких-то Стражей, некоторые говорили, будто мужик опекает на Большой земле малолетнюю больную дочь и больше не ходок в Зону. Так или иначе, «Неприкасаемые» канули в неизвестность, оставив после себя четкую иерархию среди кланов и абсолютное спокойствие на закрытой территории. А уж редкие стычки с мутантами и залетными бандитами не досаждали воякам – такие мелочи после того, что было в Зоне раньше, теперь казались сущим пустяком. Поэтому командование ОБВС[8 - Объединенный Блок Вооруженных Сил стран СНГ.] Энской области и конкретно спецбатальона охранения Зоны где-то даже расслабилось, болото «ничегонеделания» затянуло всех с головами, а особо секретная территория перестала будоражить народы стран СНГ и больших политиков. СМИ больше не наускаивали со злободневной темой о событиях в Зоне, злые силы не стремились отвоевать этот кусочек земли, а потенциальный противник в виде НАТО аккуратно был изведен из этой местности в силу каких-то договоренностей и начавшихся санкций.

В общем, Зона перестала привлекать внимание и уже не манила бесчисленное множество искателей счастья на свои просторы. Этому еще способствовала и

она сама, изменившаяся до неузнаваемости: радиация почти исчезла с уничтожением Станции, затуханием Разлома и исчезнувшим Куполом, из-за чего, собственно, и перестали плодиться новые мутанты и появляться смертельные аномалии, артефакты пропадали, природа стала оживать, флора зеленеть, фауна здороветь, а войны между кланами прекратились. Все мелкие группировки ликвидировал спецназ ГРУ несколько лет назад со своей залетной секретной миссией, который не только почистил Зону, но и сплотил оставшиеся провоенные формирования. «Неприкасаемые» следили за порядком в Зоне, будто авторитет в законе. А потом все снова начало портиться...

– Так, господа офицеры... – вдруг промолвил сдавший грозные обороты майор Лапердин, повернувшись к подчиненным. – С этого момента и навсегда... Вся эта история попадает под гриф «Совершенно секретно», никоим образом не выходит за рамки этого кабинета и ваших черепушек, карается всеми законами военного времени и исправляется только нашими силами. Силами батальона. Это всем ясно? Или кому-то нужно что-то разжевать?

– Так точно.

– Ясно.

– Усвоили.

Майор окинул оценивающим взглядом всех армейцев, преданно уставившихся на своего начальника, задержал взгляд на сержанте Гресько:

– Тебя это касается в особенности. Иначе... сгною в этой Зоне, и больше никто никогда тебя не увидит! Слышишь, боец?

– Так точно, товарищ майор!

– Старлей, твоей группе – краткосрочный отдых и подъем поутру. Прибудете в прежний квадрат на рассвете, пройдете частым гребнем там, все причешете, зачистите, вынюхаете и доложите. Теперь именно ты и твои ребятки отвечают за все, что здесь может произойти. Заварил кашу – расхлебывай. Но это не значит, что я плюну и забуду про ваши беды. Нет. Моя задача и задача капитана Мухина – не дать просочиться никакой информации за кордон. Все говно остается здесь, в Зоне, и решается тоже только здесь. Никакой утечки, никакой

огласки, думаем, ищем, решаем сами. Только сами! Капитан, организуй вторую группу спецназа, дублеров. Будут работать посменно, но чтобы вторая ничегошеньки не знала про косяки первой. Сочини там что-нибудь насчет поиска беглого дезертира или преступника. И все вдолбите в свои кочаны ту же причину поисковой операции. Ищем левого залетного, а не Корса... гм... не члена «Неприкасаемых». И чтобы ни одна собака в Зоне не пронюхала про то, кого мы ищем и почему! Сделаете все по-тихому и быстро – молодцы, нет – трындец вам всем. Лично накатаю рапорт полковнику Сенютину о вашем непосредственном участии в разжигании конфликта на особо охраняемой территории, убийстве гражданского лица и мародерстве. А куратор ОБВС церемониться, сами знаете, не станет. Военный трибунал сразу. Закрытый. Ясно? Во-от. Поэтому работаем слаженно, споро и тихо. Круговая порука, так сказать. Особо секретная тайная операция. Обо всех находках, нестыковках, мыслях и выводах докладывать лично мне. Это, надеюсь, тоже понятно? Дальше. К поиску тела объекта... гм... объекта «К», назовем это так, разрешаю привлечь обе вертушки, оба «Тигра» и «коробочку» с базы мотострелков. Привлеките кинологов с собаками. Мухин, свяжись с военсталами капитана Скорейко, я подготовлю распоряжение, попросим их помочь. Но это только в том случае, если ваш подопечный, труп с зеленой кровью... выйдет за пределы квадрата поиска. Уверен, ребятаки старлей и сами справятся, но мало ли...

– Есть подготовить военсталов к тревожному выходу! – отчеканил капитан Мухин, такой же, как и майор Лапердин, пухлый лысоватый офицер.

– При обнаружении объекта «К» пленных не брать. Это ясно, Долгушин?

– Так точно, товарищ майор, – отрапортовал старлей и закусил губу, осознавая, что придется сделать в случае идентификации Корсара.

– И вообще... – Майор протер платком залысину, оглядел всех троих военных. – Уничтожаете любой вещдок, любой след и признак того, что там был Неприкасаемый. Будь то его кровь или еще что... Все, что можно разнюхать и высмотреть, – все подлежит ликвидации. Будто и не было проблемы. Ясно?

Армейцы кивнули одновременно, только бледный сержант Гресько чуть присел от груза ответственности и страха. До него только сейчас дошла вся соль ситуации. Снайпер, еще недавно ехидно улыбавшийся и подкалывавший товарищей по разным пустякам, сейчас, как говорится, наложил в штаны и сварил мозг в кастрюле из собственной черепной коробки. Так сильно он еще ни

разу в жизни не косячил и не пугался. И только поддержка начальства хоть как-то внушала доверие и придавала сил, чтобы не растечься в лужу и не покончить с жизнью вон той точилкой для карандашей. А еще – припрятанный на «черный день» в нычке возле гарнизона амулет погибшего сталкера, похожий на бриллиант в сто карат.

Долгушин же мысленно крыл себя и сержанта тоннами отборных матерных слов, иногда даже шевеля губами. Пылким, преисполненным ненависти взглядом он готов был сжечь, словно виртуальным напалмом, весь этот чертов кабинет с отморозком сержантом, тупорылым Мухиным и уродом майором. Да и себя, идиота, выкрутить как мокрую тряпку, выжать и шлепнуть об стену. Такого позора в военной карьере старлей еще ни разу не испытывал. Контролировал всегда себя сам, но вот разгребать дерьмо других было для него крайне ничтожным и гадким делом. Он сжимал кулаки опущенных вдоль бедер рук и скрежетал зубами. А еще понимал, что уже окунулся в этот поганый замес с головой и выйти из него теперь можно было только действительно испачканным навсегда и вкусившим рок круговой поруки.

Капитан Мухин не испытывал особой злости или ответственности в этом грязном деле. Он выслуживался и слыл в военчасти щеголем и франтом, тупо исполняющим приказы вышестоящего начальства. Не более того. Без инициативы, вникания и коммуникабельности. Приказали – сделал: прикажут свыше настучать на майора Лапердина – так и поступлю, и к черту два года дружбы и службы с командиром, главное – карьера и награды. Да и этой легенды про Корсара и «Неприкасаемых» капитан Мухин слухом не слыхивал, поэтому ему были чужды и безразличны проблемы и страх собравшихся сослуживцев. Он искренне не понимал, почему все так нервничают: подумаешь, найти тело какого-то сталкера и распылить его прах по этой вшивой Зоне, он же не в бегах и не супермен, он не высокий военный чин или чей-то столичный сынок-мажорик, а всего лишьдохлый сталкерюга, видимо, где-то в кустах валяющийся, – найти и закрыть проблему, делов-то!

Иные мысли роились в голове майора Лапердина. И было отчего! Он лично знал Корсара и некоторых его ребят, долгое время поддерживал с ним связь и получал отчеты о проведенных операциях и ситуации в Зоне. При этом, надо отметить, даже особо не вникая в возню внутри подконтрольной территории и заботы «Неприкасаемых». Ну, приводят в порядок Зону – и пусть себе приводят, восстанавливают мир, гася конфликты и междоусобицы кланов, возрождают вполне здоровую местность. Воинская часть майора припеваючи считала дни и

недели, коротая срок службы, продолжая иметь свои проценты, а дела велись себе потихоньку – чужими руками, минимальными затратами и вполне мирным существованием.

Но вот вдруг надо было такому случиться! Самим себе вставить в горло кость в виде случайно убитого лидера «Неприкасаемых» – это нужно было умудриться так накосячить!

– Все, разбежались, – сухо бросил майор, потеряв всякий интерес к присутствующим и, казалось, к теме вообще.

Армейцы козырнули и устремились на выход, при этом сержант Гресько получил в спину ощутимый толчок от старлея и чуть пробкой не вылетел из кабинета начальника гарнизона.

Воинская часть отдыхала после очередного дня несения охранной службы, бойцы спали, не ведая, что завтра для всех них служба на Периметре Зоны повернется совсем другой стороной, а уже сегодня начался новый этап в их относительно спокойной жизни, далеко не самый приятный...

* * *

В тот ранний час, когда Зона уже не спит, а солдаты в гарнизоне только вскакивают на утреннее построение, в тот момент, когда группа старшего лейтенанта Долгушина, усиленная техникой и подразделением бойцов из отряда быстрого реагирования, уже двигалась по проселочной дороге к нужному квадрату, на песчаный плес речушки выползло тело.

Оно по всем признакам анатомии и остаткам одежды походило на человеческое, мужское – то ли сталкер, то ли бродяга-оборванец. Судя по стонам и нелепым движениям конечностей, находилось это тело в крайне тяжелом состоянии и испытывало невероятные боли. Отлежавшись и переведя дух, человек чуть приподнялся на локтях, упершись ими в мокрый песок, и уставился в одну точку. Нет, под гнилой корягой, торчавшей из заросшего берега над водой, ничего интересного или опасного не наблюдалось, мужчина просто задержал дыхание и сжал губы, чтобы не закричать от боли – дикой, острой, взявшейся ниоткуда боли, разрывающей уже пару часов весь его организм. Хотелось выть, орать,

кусать свои страшные руки, раздирать кожу и выцарапывать глаза, готовые вытечь от внутренней нестерпимой рези. Мелкая дрожь, иногда переходящая в конвульсии, колотила беднягу совсем не от холода или страха. Он начал осознавать, что произошло и в кого превращается сейчас, преодолевая адские муки, видя участки своего тела, различая в предрассветных сумерках необычного цвета кровь. Собственную кровь, не похожую ни на что. Она была оливкового оттенка, а при бледном свете уходящей луны вообще казалась цвета хаки. И от понимания этого, как и от ощущения полной перестройки организма, голова мужчины еще больше раскалывалась, буквально взрывалась.

– Что же с тобой происходит, Корсар?! – прошептал человек, шевеля тонкими синими губами на грязном мокром лице. – Вот ты по... попал! За что-о? Почему-у мне это-о...

Очередной приступ боли заставил его согнуться и застонать. А следом раздался дикий громкий рев. Рев нечеловеческий, такой, что леденит душу в самых ужасных фильмах, какой не мог принадлежать представителю гомо сапиенс. Речка на миг превратилась в подобие вскипевшего супа, брызнув во все стороны мальками и головастиками, а с прибрежных кустов вспорхнули и разлетелись почти невидимые птички. Мир вокруг в один момент превратился в зловещую пустоту. Корсар (или тот, кто недавно им был) взвыл, выгнулся дугой и зашлепал руками по воде. Причитая на всю округу:

– Н-нет! Не-ет... За что-о-о?..

Луна еще раз бросила печальный взгляд на эту по-прежнему грешную землю и скрылась за сплошной черной пеленой, позволив мгле вступить в свои владения. И никто еще не знал, что принесет сегодняшний день и будет ли он вообще...

* * *

Солдаты продвигались медленно, осторожно ступая берцами в сочную влажную траву, ежесекундно сверяя путь по КПК и выискивая незаметные аномалии через встроенный в «наладонник» ПДА[9 - Портативный датчик аномалий.]. Влипнуть в ужасные ловушки Зоны никому не хотелось. Да, их стало меньше, как и мутантов, смертельные казусы, по статистике, сократились в несколько раз, да и врагов на закрытой территории поубавилось. Но... Зону никто не перевел в статус курорта, она все так же хранила в себе страшные тайны и

западни.

Бойцы, прочесывающие местность в искомом квадрате, шагали цепью, выставив вперед стволы, освещая округу лучами многочисленных тактических фонарей, размещенных на шлемах и под дулами автоматов. Приборы на предплечьях военных тщательно сканировали местность, внимательные глаза шерстили сектора по ходу маршрута, обученные собаки кинологов не лаяли, а тихо исполняли свои обязанности, вынюхивая воздух и следя за флорой. В небе барражировал вертолет, прожектором освещая пяточок земли внизу, суживаемый военными. Боевая техника с пулеметными расчетами колесила по лесным и проселочным дорожкам, окаймляющим нужный квадрат. Никому не удалось бы вырваться из этой ловушки! А уж тем более раненому.

Стороны квадрата, в котором подразделение зачистки прочесывало сектор, стали вытягиваться, нарушая равносторонний прямоугольник. Это с восточной стороны бойцы, заходящие с реки, вынуждены были расстроить шеренгу из-за водной преграды и труднопроходимого берега. Самый крайний из них, сержант мотострелков, боязливо всматривался в сумерки, в очертания плеса, подолгу изучая коряги и бобровые плотины. Он включил гарнитуру связи и обратился к командиру:

- Это сержант Бушуев. Мы имеем разрешение на проверочную стрельбу по подозрительным местам?

- Подозрительные места, сержант, нужно тщательно осматривать, - ответил наушник голосом лейтенанта, - не пропускать ни одного метра. Такая была команда сверху.

- Я в реку не полезу, тут течение, коряги, омуты и подводные твари.

- Надо будет - полезешь, умник!.. Ладно, понял тебя... Прозондируй кусты и завалы тщательно, огонь разрешаю.

Сержант усмехнулся, смачно сплюнул и медленно поднял автомат:

- Егоров, прошерсти вон ту плотинку и завал на том берегу. Я поупражняюсь с кустами... Какие-то они мутные, блин!

– Есть, – вяло ответил идущий слева пулеметчик, повернулся к сержанту и стал сокращать дистанцию между ними, приближаясь к реке.

Вскоре с их фланга раздалась беспорядочная стрельба, извещающая о зачистке подозрительных труднодоступных мест в пойме речки. Вся цепь приостановилась, но, получив команду офицера на дальнейшее продвижение, снова неохотно и медленно зашагала по «зеленке».

Несколько тварей шуганулись, сержант Бушуев злорадно осклабился, перезаряжая АК-12. После тщательного прострела кустов выжить там вряд ли кому удалось. Он хотел было уже опустить ствол и шагнуть дальше, но его внимание привлек черный зев крутого песчаного берега почти прямо под пулеметчиком, что-то наподобие пещеры.

– Егоров!

Патронов в ленте «Печенега» оказалось гораздо больше, чем в магазине АК-12 сержанта, поэтому пулеметчик продолжал поливать свинцом завал, не сразу услышав зов старшего по званию.

– Егоров, твою мать! – повысил голос сержант и, когда рядовой откликнулся, продолжил уже более спокойным голосом: – Возле тебя грот какой-то, глянь его. Я подстрахую снаружи.

– Вот черт!.. – ругнулся пулеметчик, осознав, чем может грозить ему обследование этой пещерки, но покорно принялся исполнять команду сержанта, на ходу перезаряжая тяжелое оружие.

Через пять минут он доложил:

– Это звериный лаз, но чего-то какой-то странный. Почти в мой рост. Следов много. Тварей. Я туда не полезу. Можно гранатой?

– Воин, блин!.. – хмыкнул Бушуев, закуривая папиросу и держа автомат под мышкой. – Разрешаю гранатой. И это... бди у выхода, а то рванут из пещеры наружу, сметут на хрен. Будь готов срезать.

– Так точно!

Через минуту возни на невысоком, но обрывистом берегу под ним ухнул взрыв, но за секунду до него что-то произошло. Что-то из ряда вон, выбивающееся из обыденной колеи. Егоров, не успевший перехватить лямку ремня пулемета и направить его стволом к лазу после броска гранаты, заметил мелькнувший расплывчатый силуэт. Будто кто-то невидимый выскочил из пещеры.

– Мимикрим... – вскрикнул было Егоров, но переливающийся, почти прозрачный мутант на бегу схватил солдата в охапку и без труда побежал с ним в реку, расплескивая по сторонам брызги.

Сержант дернулся, на миг опешил, тлеющая во рту папироса выпала, руки вскинули автомат, мушка начала догонять серебристые от лунного света следы мутанта с хрипящим Егоровым в качестве ноши. Тут же возникла мысль, что стрелять в мимикрима нельзя, потому что можно легко задеть рядового, но и позволить унести твари солдата сержант Бушуев никак не мог. И он нажал спусковой, осторожно поведя стволом вниз, под лапы убегающего монстра.

Фонтаны воды взметнулись вверх ровной цепочкой, еще и еще. Раздался рык зверя, в которого, видимо, попала пуля. Зато прервался вопль пулеметчика. Сержант выругался. Он понял, что хищник унес добычу и что...

...Из наполовину обвалившейся после взрыва гранаты пещеры вслед за пыльным облаком появилась еще одна фигура. Бушуев обомлел, вскинул АК-12, но автомат только щелкнул бойком несколько раз – магазин был пуст. Хватать нож уже не осталось времени. Перед сержантом вырос словно ниоткуда мужик с изуродованным... нет... с целым, невредимым лицом... нет... с мордой... с физиономией полужверя-получеловека. Бушуев вскрикнул от страшного облика незнакомца, вышедшего из тучи поднятого разрывом гранаты песка и лесного мусора, от его смрадного дыхания.

– Вендетта! – только и промолвил мужчина в старой изношенной сталкерской экипировке, и в следующий момент его рука с вытянутой, словно копье, ладонью, резко вошла в живот Бушуева, прямо под бронезилет.

Вояка вскрикнул, глаза его округлились, а зрачки наоборот стали сужаться, жизнь стремительно покидала организм бойца, тело его обмякло, но,

удерживаемое убийцей, все еще не падало. В последний миг сержант увидел вполне человеческие черты лица своего губителя и его глаза. Узкий прищур, но вертикальные, зеленые зрачки. Как у зверя.

Теперь это и был зверь!

А потом сержант Бушуев умер.

* * *

Гарнитура какое-то время шипела и издавала обеспокоенный голос лейтенанта, потом был треск кустов и окрики, редкие выстрелы, хаотично мечущиеся лучи фонарей, матерная ругань. А через несколько минут в эфир Зоны полетела тревожная команда майора Лапердина:

– Застава, в ружье!

Глава 3. Поиски себя

Они боялись его и уважали, тянулись к нему и шарахались. Каким бы ужасным зверь ни был, он держался на почтительном расстоянии, они искоса поглядывали на неведомое существо Зоны, которого еще вчера не было, а сегодня он уже владел их мутантскими мозгами, правил балом и стал неким кукловодом. Контролером. Ни одна тварь не могла даже подумать о нападении, о противостоянии этому псевдочеловеку: от него исходил не только ментальный посыл, влияющий на зверей, но и огромная сила. Такая, что давит, ощущается всеми фибрами, каждой клеточкой мутировавшего в Зоне организма.

Корсар глядел на этих уродов и чудовищ и испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он никогда не думал, что окажется среди всей этой своры монстров, что будет контролировать их поведение и действия, влиять на них; а с другой – он по-прежнему побаивался их. Он понимал, что нужно победить в себе этот страх, ибо зверье чувствует, когда от кого-то исходят флюиды боязни, но утопить в себе эти ощущения было сложно. Твари рычали и визжали, скрежетали клыками и шипели на все лады, играясь, дерясь или охотясь, и

сталкеру нужно было как-то смириться с этим, принять их своим разумом, при этом еще и смирившись с пониманием того, что он теперь сам стал хрен знает кем: мутантом или все еще человеком, но с потусторонними способностями.

Его до сих пор не покидало чувство душевной боли от ощущения себя существом, переступившим грань дозволенного, человеческого и звериного, от боли физической, которая хоть и таяла постепенно, уходила прочь, но все еще терзала отдельные органы. Видимо, метаморфозы, произошедшие с ним вследствие попадания в кровь флюида поврежденного пулей артефакта «мумие», запустили необратимый процесс регенерации тканей и реконструкции всего организма.

Корсар плакал и рычал, дико хохотал и выл, корчился от боли и орал, казалось, на всю вселенную, проклиная Бога и Зону, тут же моля о пощаде и прося прощения. Он буравил землю пальцами, пинал кусты и подворачивающихся под ногу тварей, снова стонал, падая на колени и скрючиваясь в нелепой позе. Больше всего его донимала душевная боль. Он перестал быть человеком, он теперь мечтал убить всех людей в Зоне, считая их главным и единственным злом, мстить за то, что они сделали с ним. А самое главное, он понимал, что больше не увидит свою милую дочурку, что не сможет помочь ей, потеряв редчайший лечебный артефакт, а даже если и найдет новый, ему уже нет места за кордоном, ему не выбраться из Зоны в шкуре мутанта.

Проклятье!

Корсар в очередной раз затих в позе эмбриона в куче сухой желто-красной листвы, которую сгреб руками под себя. Два псевдопса, обнюхивая воздух и косо поглядывая на него, ходили полукругом в пяти метрах, больше охраняя его, чем любопытствуя. Звериный инстинкт подсказывал им, что это новая и главная сила в Зоне, что его нужно уважать и лелеять, беречь и любить. А еще – подчиняться. Безоговорочно и сразу.

Одиноким мимикрином стоял в стороне возле корявой березы и смотрел на корчащегося Корсара. Зверь в сгорбленной позе сам был похож на эту карликовую березку, только старше нее и страшнее. Он пялился на псевдочеловека, издающего стоны, и ждал его приказа. Ментального посыла. Чтобы хоть чем-то помочь хозяину, облегчить его муки, отогнать его страхи, умертвить его врагов. Мутант застыл в одной позе и ждал.

– Мне нужны вещи тех солдат, – сказал вдруг Корсар, перестав терзаться в мучениях, серое болезненное лицо его просияло, глаза заблестели. – Да, мне нужно оружие тех убитых нами вояк. Ты слышишь меня, хороняка?! Найди и принеси мне все.

Мимикрим покорно склонил морду с обвисшими щупальцами, издал короткий резкий клич и исчез. Когда треск сучьев и шорох листвы под его лапами стих, сталкер повернулся к псевдопсам, замершим при его взгляде.

– А вы дуйте к заставе вояк и все там вынюхайте: сколько людей, где, что делают, куда двигаются и чем пах... воняют. Ясно?

Звери припали на передние лапы, холки вздыбились, клыки обнажились.

– Исполнять! – гаркнул Корсар, выпрямляясь и вставая.

Псы вскочили и метнулись в кусты.

– Будь проклят тот день и час, когда я стал такой же тварью... А-а-а-а!

Корсар снова застонал, крик ненависти и страдания вырвался из его уст и покатился по туманным просторам Зоны. И его услышали все – и люди, и лесные звери. А еще звери в людском обличье...

* * *

Гибель двух бойцов из оцепления не стала для майора Лапердина чем-то из ряда вон выходящим. В Зоне и раньше происходили потери личного состава, и случались ЧП внутриведомственного масштаба с пропажей солдат, выявлением коррупции, порчей имущества и техники, дезертирством. Но это было давно!

А с некоторых пор в зоне отчуждения сформировалась новая, относительно спокойная атмосфера. Своя, ни на что не похожая, устоявшаяся. Здесь теперь Лапердин был для всех бог и царь, и не только для военных, но и для всего прочего блуда: сталкеров, анархистов, бродяг и даже залетных наемников. Благодаря отличной агентурной сети, узаконенной иерархии и изменившейся Зоне майор с некоторых пор стал главным надсмотрщиком закрытой

территории. Защищенной, безопасной и все еще богатой. Потому что наличие в ней ценных артефактов, оружейных складов и проведение секретных исследований никто не отменял – все это по-прежнему присутствовало в Зоне, охранялось извне и курировалось армейцами во главе с Лапердиным. Теперь, чтобы попасть внутрь все еще тщательно охраняемого сектора, не нужно было искать подпольные пути, давать взятки, забрасываться с парашютами и скрываться от вездесущих вояк. Сделал официальный запрос в штаб, получив разрешение, приехал, оформил в комендатуре пропуск, заплатив «добровольный взнос на охрану природы зоны особого контроля» – и вперед. Пожалуйста, проезжай, проходи! Срок пребывания оговорен в А-сертификате, выданном комендатурой, условия и правила поведения – там же. Без проблем – ступай и делай там свои дела. Без нанесения ущерба экологии Зоны, без убийств, грабежа и приобретения постоянного места жительства. И только одному лишь Болотнику разрешалось оставаться внутри зоны отчуждения неопределенное время, но с периодическими отметками в комендатуре. Все же он являлся местным старожилом и активным помощником властей, так сказать, оком Зоны внутри нее. А еще ему, Легенде Зоны, был противопоказан выход за ее пределы вследствие приобретенных в давние времена психофизических свойств организма. Попросту говоря, Болотник не мог выбраться на Большую землю из-за внезапной боли и страданий, начинавшихся при пересечении границы Зоны и, предположительно, ведущих к летальному исходу.

Болотник!

О нем Лапердин вспомнил сразу, как только были обнаружены тела погибших бойцов из оцепления. Сопоставив насильственные признаки с причиной убийства, он понял одно: Корсар все еще жив и даже боеспособен, но, вероятно, ранен и нуждается в лечении. А единственным врачом, способным вылечить любую тварь в Зоне, до сих пор считался Болотник. К нему-то и должен будет обратиться за помощью сталкер. А значит, нужно опередить врага и изолировать от него известного местного доктора.

– Мухин, – майор прижал телефонную трубку к уху плечом, одновременно зажигая сигару, – живо снаряди на Большие Лужи группу старшего лейтенанта Долгушина, пусть захватит отделение солдат из роты охраны Периметра, возьмет спарку «Отбой», двойной БК[10 - Боекомплект.] и запас продовольствия на три дня. Задача Долгушина – сопроводить и безопасно доставить ребят из роты охраны к хижине Болотника, а затем убыть в распоряжение своей части. Задача отделения охраны – обеспечить защиту Болотника и изолировать его от

контакта с Корсаром, который вследствие ранений может появиться у лекаря в ближайшее время. К операции приступить немедленно, на сборы час, о прибытии и размещении бойцов сразу доложить мне. Если все ясно, выполнять!

- Так точно, товарищ майор. Есть выполнять!

Лапердин закурил, пуская в серый потолок клубы дыма, и посмотрел на карту. Чтобы изолировать Большую землю от выхода на нее отморозенного на всю голову Корсара, нужен был как минимум полк. Силами батальона численностью в полтысячи бойцов – не справиться. Но и распространяться за пределами Зоны о введении комендантского часа и его причине майору никак не хотелось. Утечка информации подобного рода обязательно бы навредила и операции по поимке преступника, и репутации начальника гарнизона, и вызвала бы тревогу в высших кругах Минобороны.

- Сделаем все сами! – вслух подытожил свои мысли майор, смакуя сигару и сплевывая крупинки табака. – В крайнем случае призовем добровольцев и наемников. Малой кровью отделаемся. А потерю двух бойцов из оцепления спишем на аномалию. Например, блуждающую. Сейчас главное – не вынести мусор из судна, которое уже дало течь!

Он почесал двойной подбородок, потер большим пальцем уголок рта и тяжело вздохнул. Лафа спокойной жизни военного гарнизона кончилась, начинались серые тревожные армейские будни.

* * *

«Кто я?»

Кажется, когда-то так назывался кинофильм с участием Джеки Чана, герой которого потерял память, а потом по крупицам восстанавливал свою личность, сущность и место в жизни.

Корсар сейчас тоже задавался этим вопросом, пытаясь увидеть себя со стороны, в новом обличье, понять свое место в пищевой цепочке Зоны, значимость, положение.

А положение его оказалось крайне поганим. Если не сказать – совсем распоследним.

Сталкер вновь заглянул в серое зеркало придорожной лужи, провел заскорузлой ладонью по заросшему лицу, поворошил обгорелый ежик никогда не отрастающих волос – подарок радиации со Станции. И если убитую печень и забитые легкие он когда-то смог вылечить «филейкой» – лечебным артефактом, – то сантиметровые безжизненные волосы всегда оставались одной длины и не росли. Да еще и погорели в костре.

Корсар прищурился – вслед ему в луже сморщился и его клон; открыл рот в безмолвной зевоте – близнец в воде повторил движение.

– Чего ты тут корчишь рожи, урод?! Посмотри, на кого ты стал похож. Теперь тебя даже собственная дочь не признает, не то что друзья. Друзья!

Он так давно не виделся со своими боевыми товарищами, с теми, с которыми бок о бок пришлось когда-то зачищать Зону от «Бастиона», отъявленных головорезов-фанатиков Ока, от самых ужасных тварей и мутантов, расплодившихся здесь благодаря радиационным выбросам и покалеченной ДНК, от прочего сброда, вставшего на путь войны, грабежей и беспредела.

– Никита! Ден! Орк! Ребята, где вы сейчас? Живы ли? Спецназ всегда в теме, жив, должен жить... Кэп, Аперкорт, Зубоскал... Вы, мои товарищи и соратники, ушедшие в «Пепел» и в военсталы... Где вы, Неприкасаемые? А сталкеры Полтора и Бодайбо? Вы-то, на хрен, куда подевались, когда нужны в такую трудную минуту?! Когда...

Сталкер осекся. «А чем могли бы помочь мне верные друзья? Пластическую операцию сделать? Косметическую процедуру передвигного SPA-салона организовать или донорами побыть, вместо зеленой жабьей субстанции накачать своей родной кровушки? Ничего... Ничегошеньки! – Корсар скривился от отчаяния, уже в десятый раз посетившего его покалеченный разум только за последние сутки. – Что делать? Куда идти? Кто примет меня такого, кто поймет, поможет, вылечит?.. Вылечит! Болотник! Лекарь-волшебник, известный знахарь и Легенда Зоны».

Псевдопес, осторожно подобравшийся к луже, кося боязливым взглядом на нового хозяина Зоны, стал лакать синюшным длинным языком грязную воду. Зеркало, отражающее небосвод и фигуру сталкера, сразу исказилось, помутнело, образ Корсара задергался, поплыл и вконец нарушился.

– Пес смердящий, тьфу на тебя! – бросил расстроенный сталкер и, отпрянув от лужи, уже обратился в пустоту: – Нужно срочно найти Болотника.

* * *

Старший лейтенант Долгушин, задержавшись возле березы, на минуту залюбовался природой. Да, именно так – залюбовался! В Зоне биом давно уже возвращался в прежний, докатастрофный вид, когда щебетали птички, шумела от ветерка сочная листва украинских просторов да весело журчали в низинках чистые ручьи. После той эпичной битвы на Станции (на которую Долгушин не успел попасть) в результате свержения «Бастиона» и верхушки Ока, уничтожения самых страшных мутантов и деактивации ядерного заряда, установленного у Разлома, в Зоне вновь установился мир. Прибывшие ученые, давно изучившие причину выбросов и главную проблему мутации фауны и флоры здешней территории, взялись за спешную работу, и вскоре Разлом был изолирован от внешнего мира, не грозя больше выплесками радиации и потусторонней энергии. Зона вновь стала оживать. И заслуга в этом – большей частью «Неприкасаемых», которые объединились вместе с Шелестовым и разгромили Станцию. А теперь... Теперь ему, старлею Долгушину, нужно было защелкнуть свой рот, наплевать на честь и достоинство русского офицера и ликвидировать одного из последних «Неприкасаемых», которого совершенно случайно подстрелили его бойцы. Зашибись!

Он перестал созерцать прелести окружающего мира, которые затмились мыслями о поимке Корсара, тяжело вздохнул и стал догонять ушедшую вперед группу.

Псевдопес с облезлым боком и седой шерстью на загривке рыкнул, глядя вслед удаляющимся людям, и юркнул в глубь чащи.

– Говоришь, много вооруженных людей идет к болотам? – вопросительно взглянул на плешивого пса Корсар и, получив ментальный ответ зверя, кивнул. – Хороший пес! Молодец. Я понял тебя и учту твои сведения. А теперь чеши

отсюда, мне нужно побыть одному.

Мутант радостно махнул хвостом и исчез за кучей валежника. Сталкер присел на поваленное дерево и задумался. Переть в заведомо расставленные вояками сети он не собирался, но пересечься с Болотником как-то нужно было.

Корсар раскрыл смятую пачку папирос, подобранную им возле труп наемника, найденного им на просеке осинового перелеска по наводке псевдопсов. Час назад звери сообщили ему о человеке в темно-синем комбинезоне, который угодил в аномалию и погиб. Они не сожрали его, ожидая милости хозяина, поэтому были удивлены, когда сталкер не разрешил полакомиться опаленной плотью чужака, а наоборот, грустно воспринял случайную гибель наемника. Да еще и закопал его, водрузив на холмик земли связанные крестом ветки.

Корсар позволил забрать себе кое-какие вещи из хабара «синего»: оружие, провиант, аптечку и КПК. А также – запасную одежду из ранца покойника, которая уж точно не могла ему больше понадобится. В «наладоннике» набрал сообщение о смерти наемника и указал координаты места его захоронения. Все чин-чинарем, как сделал бы и любой другой на его месте.

Но сидевшие в недалеком схроне люди иначе расценили его действия...

– Хват, валить его надо. А то уйдет, – шепнул напарнику лежащий со снайперской винтовкой наемник, не отнимая глаза от оптики.

– Все-таки думаешь, что это он завалил Хана? Выстрелов вроде бы не было. – Второй «синий» тоже наблюдал за Корсаром в бинокль, сидя в засаде за поваленной елью.

– А то кто же?! Видать, ножичком сработал, сука. Втихую. Снял нашего дозорного и обобрал его, как распоследний...

– ...А зачем тогда хоронил? Все же ритуал совершил по чести и совести, – перебил товарища Хват.

– Следы замечает. Козел!

– А эсэмэс и координаты в сети КПК? Для чего?

– Чо ты физику морщишь, Хват? Если бы да кабы... Убил, обобрал, закопал и сообщил, чтобы плохо не думали про него. Да мало ли, блин! Валю его?

– Жмых, тебе лишь бы пулю всадить в кого-нибудь. Делай, как знаешь, я тебе командир, что ли? Сам уже взрослый мальчик, тебе решать. Я не мамка и не папка тебе. Если считаешь, что он завалил Хана, то мочи гада. А если он не виноват? – раздраженно бросил наемник и, убрав бинокль, сполз ниже, закрыл глаза.

– Виноват – не виноват... Давно ли ты, Хват, стал гуманистом? Раньше мочили всех вдоль и поперек: сталкеров и бродяг, вояк и анархистов, даже пепловцев и «Бастион» валили. И не задумывались, че-почем. А сейчас что?

– Ты, Жмых, либо совсем дурак, либо притворяешься. Зона уже давно не та, здесь все иначе, по-другому. За произвол и треш теперь вся Зона горой встанет. Разрешили нам вольно и открыто гулять здесь, перестали гонять и зуб точить на нас – вот и славно. Сами себе на уме, но башку иметь нужно на плечах всегда.

– И? – никак не унимался напарник с винтовкой.

– Вот же... Пристал. Делай, как знаешь, стрелок, блин! Но я бы не стал. Последить нужно за ним. Понять.

– Дуремар ты сам, а не я! Понять ему... ишь... Опачки-и!

Хват дернулся, открыл глаза, прильнул к биноклю.

– Что там?

– Исчез, падла! Как в воду канул, – в сердцах бросил Жмых. – Говорил же, мочить нужно, а теперь ищи ветра в поле.

– Как исчез?! Куда? – стал водить оптикой по сторонам Хват, оглянулся.

– А я знаю? Сидел за валежником, курил, а потом наклонился – и все... нет его.

– Жди, сейчас встанет. Не спать же он там лег.

– А может, нас учуял и залег или пополз по флангу? – Жмых оторвался от прицела и стал озираться вокруг. – Видел, как он общается с псами? Верховодит ими.

– У тебя фантазии, Жмых, как у девочки-малолетки. Бди справа, я гляну, в чем дело.

– Прикрою, – бросил наемник с винтовкой, проследив за удаляющимся товарищем.

Через десять минут разведчик вернулся. Живой и здоровый, только хмурый и задумчивый. Он сообщил:

– Нет его. Вообще нет. Ни следов, ни запаха. Будто не курил, не копал, не был вообще. Странно! Как призрак.

И тут на его КПК пришло сообщение, которое не только поразило обоих наемников, но и вызвало у них горькую досаду.

«Всем «синим» отмашка! В Зоне объявился плохиш, описание прилагается... Приказ в случае обнаружения – ликвидировать и сдать труп на заставу воякам или передать по линии «Б». Оплата высокая. Конфиденциально».

Сообщение это пришло от надежного источника, и описание добычи совпадало с внешностью того, кого они, Хват и Жмых, только что упустили.

– Я же говорил, что мочить нужно! – мгновенно вскипел Жмых, трясая винтовкой. – Сразу было ясно, что он гад. И Хана завалил, обшмонал, и в розыске, и с тварями общается... Уж не контролер ли он?!

– Успокойся уже!.. Какой на хрен контролер, если похоронил нашего?! А вот кто он на самом деле – это нужно разобраться. Обязательно найти и разобраться.

Хват закусил губу, сжал кулаки и зло посмотрел на развороченный ранец погибшего Хана и его могилу.

Глава 4. Обстоятельства красного уровня

Корсар в силу своих новых сверхспособностей, конечно же, учуял засаду наемников и наведенный в спину ствол и мог побиться об заклад, что те двое хотели выстрелить. «Опять в спину! Что ж за жизнь такая настала?! Почему и вояки, и наемники мечтают всадить мне пулю в спину? Что я сделал кому из них, чем навредил? – Он не стал уничтожать угрозу, а попросту ретировался с линии огня. – Ведь и товарища их похоронил, и их ничем не обидел, отчего же зло таить на меня, зачем поганые поступки совершать? Совсем обозлился народ! Лишь бы пальнуть да поживиться. Нет в людях меры, одна поволока в глазах и муть в башке».

С этими мыслями сталкер продирался сквозь кусты, утирая мокрые от досады глаза. Может быть, поэтому он и не заметил, не почувствовал двух бродяг, расположившихся на пикник возле старой одинокой березы.

Парни немедленно вскочили на ноги, схватили оружие и застыли истуканами, завидев незнакомца, вывалившегося из густого кустарника, словно гонимая псевдоплоть.

Небольшой костерок, пара банок консервов, разогревающихся в золе, два рюкзака, вехи, воткнутые рядом, планшет с мелькающими на экране картинками голых баб. Один молодой, почти безусый, в еще свежей туристической обнове, с АКС74У[11 - Автомат Калашникова складной укороченный, 5,45 мм.] в слегка дрожащих руках. Взгляд напуганный, мечущийся, губки дрожат, ноги полусогнуты. Другой, видать, поопытней – постарше, в потертом брезентовом плаще, вязаной шапочке, с помповым ружьем. Стоит уверенно, в позе «а-ля хозяин здесь я», смотрит исподлобья и сердито. Этот явно готов нажать на курок, зная для чего и почему.

Корсар мгновенно оценил обстановку, развел руки, в одной из которых держал полутораметровый посох.

– Мир вашему очагу, братцы! Прошу прощеньца, что напугал, потревожил. – Сталкер слегка улыбнулся, всем видом показывая, что не опасен и спокоен.

Но вот старший из бродяг расценил его внезапное появление и странный вид иначе, ответив строгим голосом:

– Потревожил, но не напугал. Мы не из пугливых. Иди, куда шел, нечаянный товарищ.

Дуло его оружия по-прежнему сулило только лишь проблемы – серьезные и более вероятные, чем ствол в дрожащих руках молодого, нервно озирающегося напарника.

– А погреться, устроить мену? – миролюбиво продолжил Корсар. – У меня есть, что предложить вам. У вас кое-что есть для меня. Уверен.

– Это вряд ли. Мы еще только зашли в Зону, товара ноль. А твой хлам не интересует. Так что ступай с богом, сталкер!

– Ну, отчего же? Имеется хабар случайно погибшего наемника, могу обменять на инфу, которой вы обладаете.

– И какой же мы обладаем инфой, о которой и сами не ведаем? – ехидно парировал старший бродяга, крепче сжав ружье.

– Вы же с кордона идете?

– Допустим. И?

– С заставы вояк?

– Ну, и что?

– Да опустите вы стволы, напрягают они меня. Говорить сложно.

– Так и ты нас напрягаешь. Попросили же, проходи мимо, куда шел.

– Мужики, я с миром!

– Слышь, миролюбивый ты наш... – Бродяга в плаще сплюнул под ноги, не сводя внимательного взгляда с незнакомца. – Мы не торговать пришли сюда и не друзей искать... Третий нам лишний. Сказал же, иди, куда топал. Нам не нужно проблем.

– Я уйду через пять минут. И проблем не хочу...

– ...Мужик, ты плохо понял? Или туго слышишь? Ступай себе дальше, та инфа, что тебе нужна, принесет нам одни проблемы. Голимые.

– Я Корсар, – коротко ответил сталкер.

– Я тоже пират, – тут же подхватил старший бродяга, хотя на его лице и мелькнула тень удивления, – но это ничего не меняет.

– Хм... – Корсар убрал с небритого лица натянутую улыбку. – Так-то нормальные сталкеры в Зоне в ответ на приветствие тоже представляются.

– Считай, что мы ненормальные. Еще вопросы есть?

– Нет, ты чего такой злой-то? – Сталкер ощутил прилив крови к лицу, ему всегда были неприятны такие вот типы, шлендравшие по Зоне, абсолютная безкультурщина, безмозглость, дерзкие придурковатые хмыри... Но Зона зачастую правила таких, воспитывала, окультуривала. А если не могла, то просто убивала.

– Тебе чо надо, залетный? – сердито промолвил старший. – Мы сидим спокойно, чай пьем, беседы беседуем, строим планы на жизнь, а ты тут такой прекрасный красаучег явился, не запылится, навязываешься в знакомцы, рисуешься, вынюхиваешь чего-то. Не-е, так не пойдет. Катись дальше, бродяга!

– Да понял я, понял! – в сердцах бросил Корсар, кисло сморщившись. – Все меня гонят, все пытаются стрелять. Изгой я. Как пить дать – изгой! На хрен никому не нужен, видать, время подошло...

Бродяги переглянулись, затем вздрогнули оба, когда планшет вдруг просигналил пришедшим сообщением. Кинув мимолетный взгляд на лежащий в траве гаджет, старший бродяга недовольным зычным голосом сообщил:

- Ну и? Кушать очень хотца! Ступай, земля. До свидос!

Корсар прищурился, опустил руки и тяжело вздохнул, понимая, что разговора и делового сотрудничества не выйдет, скорее, случится огнестрел или драка. А ведь раньше совсем не так было! Совсем не так...

- Когда прочтете сообщение в своем порносайте, парни, то не бросайтесь за мной вслед, эта форма наживы вам не принесет счастья, - вдруг выпалил он, усмехнувшись при виде меняющихся физиономий бродяг.

- А ну, Ростик, глянь в планшете, чего там накалякало Информбюро, - сказал старший и прижал приклад ружья к плечу, прицелившись в сталкера.

Молодой бросился к гаджету, неумело закидывая автомат на плечо, отчего тот начал сползать и мешаться. Через минуту парень, бледнея и заикаясь, зачитал сообщение о поиске беглого сталкера-плохиша.

- Так вон оно что?! - Старший бродяга сделал несколько твердых шагов к мужчине, навел на него ствол помповика в полуметре от лица. - Ты у нас беглянка? Добыча! А я-то все кумекаю, чо он поет тут и зачем пытается в друзья навязаться. А тут вон оно чо!.. Награда. Даже за труп... Корсар, говоришь?

- Не делай этого!

- Что-о?

- Не делай того, что тебе сейчас пришло на ум, - проговорил Корсар медленно и тихо, будто психотерапевт во время лечебного гипноза пациента.

- А что мне... А с чего ты взял... Да ты!..

Бродяга внимательно всмотрелся в черты лица незнакомца, в его глаза. Необычные и очень странные. Даже, правильнее сказать, страшные. Неприятное

лицо, тусклый, безжизненный взгляд, источающий глубокую печаль и какое-то дикое напряжение. Будто перед ударом, перед смертельным поединком. И как только опытный бродяга уловил в этом послыше звериную нотку, он нажал спусковой крючок.

– Нет! – Корсар за мгновение до выстрела коротким взмахом ударил по стволу, отводя его от себя.

Помповик изрыгнул снап картечи в сторону, громким звуком хлопнув по ушам. Пока сталкер выхватывал у старшего оружие, выкручивая бродяге руки в силовом захвате и не сводя с него пристального взгляда, молодой заваливался навзничь, морской звездой раскинув конечности. Заряд свинца угодили ему в грудь.

Борющиеся внезапно заметили это, на миг замерли, а потом снова встретились взглядами. Бродяга отшатнулся, словно его кипятком ошпарили, оставив ружье противнику.

– Ты... Ты-ы!.. Ты, сволочь, чо натворил-то? Ты моего напарника... Ты Ростика завали-ил, сука-а!

– Штопор, стоп! Стой на месте. – Корсар ощутил дикий укол совести, боли и еще чего-то очень неприятного прямо в сердце. И в голове тоже. Он не мог поверить, что только что застрелил простого пацана. Начинающего сталкера. Точнее, убил не он, а более опытный бродяга, но не без его, сталкерского, участия.

– Откуда ты мое прозвище... Ты кто-о? Ты чо натворил, гад? – Бродяга по кличке Штопор пятился назад, выставляя правую руку ладонью вперед. – Нет, не смей... Меня как свидетеля. Как... Слышишь, забудь, мужик!.. Не надо... Остановись.

– Это я тебя просил остановиться, я предупреждал, что... – Корсар осекся, понимая, что натворил, да еще и толком ничего не успел объяснить этим двум бедолагам, случайным незнакомцам на просторах Зоны.

– Не убивай! Слышишь, мужик... Или кто ты там... Я никому... Я могила. Молчать буду, уйду прочь.

– Я только что погубил сталкера! Я только что убил сталкера-а! Зона-а, твою мать! – заорал Корсар, брызжа слюной и устремив бешеный взгляд в серое небо. – Что же ты со мной делаешь?! Что ты сделала со мной, проклятая-я? За что-о?

Штопор засеменял прочь, плюхнулся задом в траву, попал ладонью в горячую золу, обжегся, отдернул руку, на четвереньках пополз дальше. Мимо рюкзаков, мимо лежащего на спине напарника, удивленно уставившегося голубыми глазами в небо, из уголка рта парня текла струйка крови. Бродяга сейчас молил Черного Сталкера и Зону лишь об одном – быстрее убраться с чертовой поляны и от этого страшного псевдосталкера с бледно-зеленоватой кожей, вертикальными кошачьими зрачками и гипнотическим нечеловеческим взглядом. От объявленного в розыск беглеца, несущего смерть и убившего Ростика.

Бродяга исчез в кустах, а затем, безоружный и без вещей, бросился бежать сломя голову, подальше от страшного существа. И только обессиленный, стонущий Корсар, упав на колени, возносил руки вверх и молил, молил о пощаде Зону. Громко, навзрыд, истошно. А в ответ ему с древней угрюмой березы сыпала пожелтевшая листва, да шевелил ее старую крону вездесущий ветерок.

* * *

Волчий билет, который он схлопотал после нечаянного убийства вольного сталкера, Корсар воспринял как что-то неотъемлемое, обязательное, отождествленное с тем роком, что стал его преследовать с некоторых пор. И сейчас, бредя по волнующейся от ветерка осоке, машинально трогая загрубевшей ладонью гнущиеся стебельки, он понимал, чем грозит ему всеобщий бойкот и этот самый билет. Поэтому сообщение, пришедшее спустя пять минут, Корсар воспринял как должное, причинно-следственное.

«Всем! Всем! Всем! В Зоне объявлен комендантский час. Все посетители территории отчуждения, независимо от ранга и приверженности, обязаны до 20.00 часов местного времени покинуть закрытый сектор и пройти идентификацию на любом из восемнадцати КПП. Руководство охраны Зоны обещает безопасность добровольно покинувшему закрытый сектор лицам и гарантирует им неприкосновенность. По истечении комендантского часа и объявления его окончания все эти лица могут вернуться в Зону. Мероприятие

проводится в целях поимки опасного преступника и чистки Зоны от вредных и нежелательных элементов. Всем срочно покинуть Зону!»

Корсар понимал, что этим «нежелательным элементом» и «опасным преступником» значился он сам. Тот, что совершенно случайно и нечаянно стал изгоем Зоны, ее вредоносной частицей. И все здесь, от наемников до вояк, даже сталкеры, стали ненавистными недружелюбными боевыми единицами. Попросту говоря, врагами! И все эти лица на экране КПК и в мозгу бывшего десантника превратились в красные жирные точки. Враг! Он им, а они ему. А это значило, что ему осталось жить считанные дни... Какое там?! Считанные часы!

Такого оборота Неприкасаемый никак не ожидал в своей жизни. Даже тогда, когда он оказался в одиночестве на африканском континенте среди сотни сомалийских пиратов, в сердце их банды, в джунглях. А сейчас все его знакомые, зеленые новички и опытные ходоки, вояки и наемники, все кланы и просто залетные компашки превратились в противника. И выжить в таком бедламе означало поцеловать Бога.

Корсар шел прямо к Периметру. Да, он топал сейчас к воякам, охранявшим границы Зоны, чтобы просто поговорить или, если нужно, сдаться на милость властям, объяснить им, что он не враг, что не виноват, что это все обстоятельства так сложились и злая судьба повернулась к нему задом.

«Стоп! А с чего я решил, что меня вообще будут слушать, что примут и упакуют в СИЗО для выяснения фактов и алиби? Что вообще разрешат выйти к Периметру?! А ведь, как пить дать, пристрелят еще на подходе. Эдак пятью-семью очередями прошьют, а потом будут обмывать удачный исход только что начавшегося комендантского часа, конец бродяги-лоха, который блуданул и случайно вышел к КПП. Или в рапорте напишут, что намеренно прорывался за Периметр, пытаюсь свалить из Зоны на Большую землю и там навсегда раствориться. Тело бросят для пущей убедительности на колючку, вынут КПК из кармана, черканут за него фразу типа «Иду на прорыв, ненавижу гадов-вояк, буду мочить их всех за Периметром» и снова запихнут наладонник в простреленный сидор. А? Каков расклад?!»

Корсар остановился, занеся ногу над пожухлой травой, задумавшись. Да, совсем не сочная зеленая травка этим летним вечером росла под его занесенной стопой. Мозг кольнула догадка, и чувство самосохранения пронзило весь его хребет вместе с пулевой раной в спине.

«Мина!»

Сталкер вернул ногу на исходную позицию, обвел взглядом окрестности, игнорируя серую коробку КПП за кронами шелестящих ив. «Ну, точно, вот он, Периметр, колючка с пулеметными гнездами и блокпостом, а значит, перед ней полоса минирования. Дорога осталась чуть в стороне. Вон уже блестят от заката стекла армейского бинокля у строгого лица наблюдателя на вышке. Сейчас удостоверится в личности «нежелательного элемента» и даст сигнал, очнется стрелок, сфокусирует зрение на «зеленке» и, поймав цель, даст жалящую тело пулеметную очередь. Смертельную и последнюю в моей жизни».

Корсар с трудом проглотил ком в горле, начал пятиться и отступать в тень ближайшего куста, при этом непроизвольно держа руки вверх, будто уже сдавался.

Не сдался.

Просто человеческий разум подавился звериным инстинктом, который в последние сутки проснулся в организме сталкера. Животные рефлексы затмили все чувства, и тело мужчины метнулось в заросли. «А ведь в последний раз эти рефлексы привели к гибели бродяги Ростика. Нельзя так, Корсар! Ох, нельзя. Так ты в зверя начинаешь превращаться. В опасного проклятого мутанта. Так ты уже зверь, мать твою! В тебе его кровь!..»

Он вышел к дороге, все еще не опуская рук, и этим привлек к себе внимание снайпера на вышке. Того, что только минуту назад разглядывал сталкера в бинокль. Теперь стрелок изучал мишень в перекрестье оптического прицела ПСО-1. Изучал, что-то бормоча себе под нос. Может, грезил будущим орденом на грудь за поимку и уничтожение рецидивиста. Или на этот раз выбирал другую точку на теле изгоя, более уязвимую, чем дырка в сидоре на спине. Потому как этим сторожевым на вышке, отправленным в «вечный караул», оказался сержант Гресько, тот самый, что недавно зарядил порцию свинца в мирно отдыхающего у костра сталкера...

Спустя полчаса

- Сержант Вешкин, не мычите здесь и не мямлите. Докладывайте, как все произошло. И напоминаю, уличу во лжи и блефе – вышвырну из контингента!

- Чок, на, выпей, полегчает. А то трясет тебя, как мимикрима в экстазе.

- Спаси... Благодарю, товарищ старший лейтенант. Честно... Хреново так. Я... мы никак не ожидали такого... Я...

- Рассказывай. Своими словами, без всяких там уставных. Что ты видел и слышал?

- Шпик... То есть сержант Гресько... Он, видать, узнал в капитулянте разыскиваемого престу... Ну... Корсара этого. Которого тогда еще мочканул... Простите! Попытался завалить. Узнал и решил покончить с ним раз и навсегда... Он успел сообщить по радиосвязи, что видит цель и готов уничтожить ее... А потом...

- Что сделали именно вы?

- Товарищ капитан, я... Я не успел ничего сообразить, только крикнул, чтобы он не смел ликвидировать, что тот нужен нам...

- ...На хрена он нам нужен живым?! Вы там чо, все спятели, что ли? Была команда на уничтожение этого лица. Была?

- Так точно, товарищ капи...

- ...И? Зачем нам пленный? На черта нам содержать и допрашивать врага, особо опасного преступника, убившего уже несколько человек в Зоне, в том числе двух солдат из нашего контингента.

- Капитан, извини, но пусть расскажет до конца. Говори, сержант. На, выпей еще.

- Он чо, сюда водяру пришел жрать?! Блин, я меньше ее жру за день. Чего вылупился, орел, твою мать?! Не мычи, говори уже.

- Шпик не успел выстрелить. Он... Корсар этот завалил его. Мгновенно.
- Ка-ак?! С расстояния в полста метров завалил снайпера на вышке? Да еще гранатой в рот?!
- Капитан!.. Сержант, продолжай.
- Нет, не гранатой. «Лимонку» он позже, потом вбил раненому Шпику в рот. Сломал все зубы при этом, без кольца, но со скобой...
- ...Ага. Видели, мля. Военврач до сих пор с сапером не знают, как ее вытащить из глотки вашего Шпика! Щас отдам приказ вывезти тело за бруствер, а там и закопать этого мудака вместе с гранатой в пасти. Идиот! Ну, так чем он его свалил с вышки, если не гранатой? Говори, чо вылупился?!
- Фонариком.
- Че-ем-м?!
- Фонариком натовским. Такие любят наемники. Тактический с инфра...
- ...Ты чо, сержант, звезданулся мозгами? Каким еще фонариком? С полста метров?! Ты, сволочь, если мне врешь тут или дурачком прикидываешься, я тебя на гауптвахте сгною...
- ...Капитан!
- А ты, старлей, мне рот тут не затыкай. Твои архаровцы облажались по полной. Что тогда, в рейде, что сейчас, в дисбате. Одного поставили на вышку бдеть за «зеленкой», отрабатывать промахи по службе, так он и то умудрился фонариком в морду схлопотать и гранату сожрать. А другой, мародер, твою мать, в штаны наложил при виде одного одинешенького преступника. Это твои спецы?! У меня таких сто рыл вон в комендантской роте служит.
- Капитан, хватит уже эмоций, нужно выяснить обстоятельства и подробности ЧП, разработать план дальнейших действий, вызвать...

– ...Кого-о?! А ты что, уже в своих долбанных спецов не веришь? Слабаками оказались? Какие подробности? Какие, к черту, обстоятельства?! И так все ясно как божий день! Этот Корсар явился, чтобы отомстить своим обидчикам, то бишь твоим дятлам. Причем решил это сделать как можно громче и смешнее, дразня всех нас и издеваясь. Сержанта Гресько замочил каким-то хитромудрым способом, используя гранату и, как оказалось, фонарик. Простой светящийся прибор, с которым вы в кусты бегаєте по ночам. А он им завалил матерого спецназовца, с расстояния в пятьдесят, мать твою, метров. Пятьдесят! Ты слышишь, старший лейтенант Долгушин? Он чо там, Рэмбо или Терминатор? Или призер Олимпийских игр по метанию молота? Вы тут звезданулись все?! Я чо докладывать комбату буду? А в рапорте чего писать? Что хваленый и присланный вами, товарищ полковник, спецназ несет потери от швыряемых бродячим беглым сталкером фонариков и забиваемых им же в пасти опытных армейцев гранат? Это мне доложить? И приплюсовать к этому наложившего от страха в портки сержанта Вешкина и еще двух двухсотых с блокпоста? Кстати, военврач доложил мне, что не может пока установить причину смерти этих двоих за пулеметом. От ударов шлемом они померли или от удушья пулеметной лентой. Вашу мать! Их же шлемов и их же ленты! А тапочком белым или вонючей портянкой он еще никого не задушил? Идиоты! Пошли вон отсюда. Оба-а.

Спустя еще полчаса.

– Товарищ майор, разрешите объявить красный уровень тревоги, дать распоряжение о превентивной зачистке Зоны и привлечь к поиску и ликвидации беглого преступника все силы Периметра, включая волонтеров и добровольцев из сопредельных группировок и кланов?.. Да, товарищ майор. Есть, товарищ майор! Слушаюсь. Так точно...

Глава 5. Болотный доктор

Корсар всматривался сейчас туда же, куда в бинокль глядел старший лейтенант Долгушин, – в очертания серых построек в центре Больших Луж. Только один пытался понять, зачем командир спецназа бдит тыл вместо того, чтобы в оба глаза контролировать фронт в поисках беглого преступника, а другой старался

убедиться в том, что хозяин дома на болотах находится на месте. Три часа назад Долгушин связался с Болотником и весьма вежливо попросил его никуда не отлучаться из дома, потому как ему угрожает опасность, а где-то неподалеку рыщет опасный, якобы осуществляющий заказ с Большой земли, киллер. И, мол, как только спецназ устранит убийцу, карантин и блокаду снимут с болот. Поэтому сейчас старлей разглядывал хижину доктора и, увидев мелькающую в тусклом свете окна тень, успокоился. Откуда ему было знать, что Болотник уже в курсе секретной операции вояк и что он, узнав истинное положение дел, незаметно, как умел только он, покинул островок в трясинах и тайной тропой вышел с болот во фланг засаде спецназа. А вместо себя хозяйничать в доме оставил излома по кличке Бурелом, которого уже месяц выхаживал после столкновения с аномалией.

Корсар нахмурил лоб, пытаясь понять, почему хозяин этих мест покинул свою обитель скрытно и сейчас направляется к нему краем туманной мари, а не открыто, натоптанной тропой. «Видимо, Болотник тоже чурается вояк и не хочет лишних проблем на голову», – подумал сталкер.

– Здоров, Корсар! – Лекарь, косо зыркнув на притаившегося за валуном беглеца, посмотрел вправо, в сторону замаскировавшихся в сотне метров от них армейцев.

– И тебе не хворать, доктор. Не спится? Чего ночью бродишь?

– Да как мне дрыхнуть спокойно, когда вояки под боком затворами клацают, окна мои разглядывают да тварь болотную пугают?! – Болотник подошел ближе, разглядывая знакомого сталкера, который заметно изменился с их последней встречи: осунувшееся заросшее лицо и нечеловеческий взгляд сразу бросались в глаза. – Да еще зная, что кореш мой в беде и рядом околачивается. Привет, друг Корсар! Привет, беглянка!

– Здравствуй, дорогой!

Они сжали друг друга в крепких объятиях – так, что знахарь почувствовал дрожь в явно нездоровом теле товарища, его волнение и тревогу. А еще – боль и усталость.

– Ты знаешь, что с тобой не все в порядке? – Болотник чуть отпрянул от друга, продолжая всматриваться в его бездонные глаза.

– Точнее сказать, вообще все не в порядке! – устало промолвил сталкер и облокотился на серый валун, местами поросший лишаем. – Еще немного, и я обрасту таким же вот мхом, чую, что совсем худо мое дело.

Знахарь долго и молча глядел на Корсара. Болотник уже, в силу своих способностей, понял, что случилось с беглецом, что его привело сюда, как ему плохо было сейчас и тошно. И откровенно сочувствовал сталкеру. Лекарь присел рядом, положил сухую ладонь на подергивающееся плечо Корсара:

– Рассказывай. Можешь не вдаваться в детали, но с самого начала. Я пойму!

Сталкер посмотрел на знахаря, затем, понимая, что другу, конечно же, жутко выносить такой тяжелый звериный взгляд его вертикальных зрачков, поднял голову и уставился на бледную лепешку луны. И стал говорить...

– И вот я здесь, дружище, – закончил повествование своих злоключений Корсар, тяжело сопя и ежеминутно облизывая потрескавшиеся губы. – Снова не один, но... один. Как та луна на черном небосводе. И очень хотелось бы услышать от тебя утешительные слова. А еще лучше – надежду на излечение. Только честно! Слышишь, мне нужен правдивый вердикт, а не... не...

Он закрыл глаза, и Болотник заметил мокрую полоску на чумазом лице друга.

Пауза затянулась.

– Что ты молчишь, доктор? Боишься сказать мне правду?

– Боюсь, Корсар! Боюсь, дружище. Сколько зверья выходил, молчаливых своих клиентов, сколько люда местного вылечил, в основном, проходимцев, но никогда не было так больно и боязно выносить приговор близкому человеку. Понимая, что с ним и каково ему.

– М-м-м-м-м-м! – замычал сталкер, скрипя зубами и дергая опаленной головой. – Я так и знал. Я знал, твою мать! Я понял уже, что не жилец. Но... Но, может быть, там кровь сдать надо, рентген, УЗИ? Может...

Корсар заметил печальный взгляд врачевателя, да и сам уже понял: какие могут быть на болотах приборы и анализы, тут все в натуре, естественное и дикое, как теперь и сам он, и местный волшебник не в силах вылечить его зараженный организм.

– Артефактом!? Поможет какой-то артефакт? – с мольбой в голосе сталкер всмотрелся в лицо знахаря. И опять осознал, что и тут мимо.

– Бро, что тебе сказать в утешение? – Болотник тяжело вздохнул. – Добро пожаловать в Зону! Ты теперь ее неотъемлемая часть. В общем-то, как и все эти годы.

Корсар отчаянно поглядел на доктора, сморщился и застонал. Чем и привлек внимание дозора спецназа.

* * *

– Что дальше делать собираешься? – спросил Болотник. – Я могу переговорить с вояками, объяснить им все, примирить вас.

– Это вряд ли уже! – Корсар тяжело вздохнул, уже раз десятый за полчаса разговора. – Они на мировую не пойдут. Снежный ком покатился. Охота началась. Теперь мне либо из Зоны долой и в бега по необъятным просторам страны, либо... драться.

– Драться? Ты хочешь объявить войну всем?

– Она уже объявлена! Она уже началась... – прошептал сталкер, понижая голос и вглядываясь во мглу, потом резко дернулся. – Мы не одни здесь!

Болотник медленно поднялся с корточек, всматриваясь в потемки болота, огляделся. Теперь и его внимание привлекло движение за ближайшими куцыми кустами. Кто-то или что-то ползло в сторону собеседников, обходя с тыла.

Знахарь замер.

После минуты безмолвного сканирования взглядом округи он повернулся к другу, но рядом никого уже не было.

Корсар будто растворился в звенящей утренней тишине. Да так скрытно это сделал, что даже местный «Дерсу Узала» не засек его исчезновения. Болотник крякнул, слегка улыбнулся и присел, опершись спиной о валун. Теперь лекарь отчетливо слышал шаги приближающегося человека. Не зверя, не мутанта, а именно человека. Рука знахаря ловко скользнула к поясу за ножом.

– Болотник, не кипишуй. Свои, – раздался знакомый голос за камнем.

– Кому свои, кому чужаки, – бросил через плечо знахарь, но, узнав говорившего, разогнулся и выглянул из-за валуна, все же не убирая руки с ножен. – Здорово еще раз, Долг. Чего не спится? Или ты в соглядатаи заделался?

– Не смешно, Болотник. – Старший лейтенант Долгушин скинул с головы капюшон маскхалата и подошел ближе, держа в руках «Винторез». – Где он?

– Кто? – Врачеватель попытался сделать удивленное лицо.

– Твой друг Корсар! – уточнил старлей, осторожно передвигаясь по дуге вокруг валуна, чтобы убедиться, что здесь действительно нет сталкера. – Ты же с ним сейчас говорил?

– Долг, ты уже вечером добивался от меня каких-то признаний, пытался об этом сталкере, чего еще-то нужно?

– Где он? – тверже произнес армеец, поднял руку и жестом показал своим невидимым подручным осмотреть сектор.

– Успокойся, старлей. Нет тут никого.

– Ты же с ним разговаривал сейчас.

– Я старый больной человек. Давно уже разговариваю сам с собой, не дружу с головой. Присел отдохнуть, а тут ты.

– Слышь, старик... Ты мне мозги тут не парь. Был он тут? – Долг продолжал озираться, но мимолетно бросал косые суровые взгляды на знахаря.

Болотник уловил движение справа и слева, усмехнулся, кряхтя в кулак. Достал флягу, что не ускользнуло от пристального взора вояки, отпил пару глотков травяного настоя, неторопливо завинтил крышку и посмотрел на военного, облаченного в снайперский халат «Леший».

– Может, закончите эту игру?

– Что? – Старлей с досадой опустил ствол, понимая, что никакого Корсара он уже здесь не увидит, но новым жестом показал бойцам продолжать наблюдение за опушкой леса.

– Затяга ваша – дурацкая. – Болотник убрал флягу, стал разминать шею. – Корсар не начинал эту бойню. Он чист перед своей совестью и перед вами. Пока не поздно, остановитесь. Вы же армия!

– Поздно, старик. Ты будешь удивлен моим словам, но... к сожалению, поздно. Я тоже не хотел этой стычки, этой грязи... Но события развернулись очень непредсказуемо и жестоко. Корсар пошел ва-банк, когда нужно было...

Что нужно было, Долг не понимал, поэтому язык не повернулся сказать дальше то, что вертелось в его голове: «Что мог сделать сталкер, сраженный выстрелом Шпика, а потом еще и изуродованный? Прийти с повинной к майору Лапердину и извиниться за то, чего не делал?! Типа: «Извините, что спровоцировал ваших дерганных спецназовцев и схлопотал пулю в спину! Я больше не буду. Мочканите меня еще раз, и дело с концом». Так, что ли?»

Старлей с трудом проглотил ком в горле, не отводя глаз от лица старика, тоже пытавшегося взглядом образумить ретивого офицера. Заблудшего вояку.

– А я все же думаю, что еще не поздно, – тихо сказал знахарь. – Сталкер мучается, беснуется, он нездоров, очень нездоров и сильно устал. Морально. Ты

же сам армеец, Долг! Как и он. Ты должен понимать, что произошло недоразумение, твои люди ошиблись. И очень крупно. А ты сейчас волей-неволей должен застирывать портки своих обделавшихся солдат? Нельзя все объяснить руководству? Давай вместе пойдём к твоему начальнику и все ему расскажем. Как было и что делать дальше. Вы же явно не все доложили наверх! А?

– Все, старик. Мы доложили все как есть. Корсар был объявлен в розыск, но события повернулись к нему задом. Он пошел на огневое столкновение. Он развязал эту бойню. Ему отвечать.

Болотник некоторое время смотрел в печальные глаза вояки и, когда понял, что бесполезно что-то говорить, убеждать, исправлять, спокойно добавил:

– Старлей. Ты знаешь... Не зря многих вояк испокон веков называют дуболомами. Этот ваш непробиваемый армейский менталитет, эта чертова круговая порука, эта... мля... на самом деле животная боязнь за погоны и скудные льготы сделали из всех вас скотов. Извини, что так резко и прямо, но никогда, слышишь, никогда не исправить вам, начинающим молодым офицерам, новому поколению новой страны, это скотское положение. Это не события повернулись к нему задом. Это он, Корсар, Легенда Зоны, Неприкасаемый... это он повернулся к вам задом, но сначала он готов был на примирение. И шел он тогда на КПП к вам только за этим. Пока твои бар-раны опять не стали палить в безоружного, мирного, раненого человека. А теперь... Вы хотите войны? Ну что ж... Будет вам война, братцы кролики! Готовьте черные мешки.

Глава 6. Комендантский час

К вечеру смертельно уставший и напуганный Штопор ввалился в бар. Едва ступив за порог, прохрипел:

– Водки!

– Ты чего такой... взъерошенный? – стараясь подобрать нужные слова, произнес хозяин заведения, уставившись на внезапного гостя. Вид у того был еще тот – ободранная, вся в грязи, одежда, бледное, как у призрака, лицо с выпученными

глазами.

- Чего такой испуганный? – вновь спросил хозяин. – Что случилось, Штопор?

- Водки... дай... – вновь просипел гость. И, шатаясь, подошел к стойке бара: – Ростика... в расход пустили!

- Кто?!

Сидящий в центре зала пьяный посетитель, сталкер, привстал, услышав это, и грозно произнес:

- Кто завалил? За Ростика убью любого!

- Ну, не томи, в самом деле! – теряя терпение, прошипел Палыч. И, налив испуганному бедолаге до краев стакан водки, спросил: – Как это произошло?

- Мы костерок соорудили, – отдышавшись после порции спиртного, выдавил из себя Штопор. – Никого не трогали. С задания шли. Ты нас знаешь, Палыч, мы люди порядочные. У своих не крадем, кодекс чести соблюдаем, делимся, гнилые темы не творим. А тут этот нарисовался вдруг.

- Да кто?!

Штопор ответил только тогда, когда стакан вновь наполнился.

- Ну, кого ищут. Беглый этот. Но это мы не сразу узнали. Сообщение поздно пришло. Эх, минут на пять бы раньше, так мы этого гада хлопнули бы без разговоров! А так... – Штопор вновь выпил. – Подошел, начал права качать. Мне, говорит, никто не закон. И ствол поднимает. Ростик начал его успокаивать: мол, паря, ты чего, не кипишуй. Я тоже подорвался. Сцепились. А он походу на всю голову больной. Вальнул Ростика. Я на сволочь эту прыгнул, повалил, да он сильный оказался. Вырубил меня.

- Да ты гонишь! – не поверил Палыч.

– Что же я, по-твоему, сам его убил? – прищурил Штопор захмелевшие глаза. – Можешь сам посмотреть, тут не далеко лежит. Я его даже похоронить не успел – скорее сюда рванул.

– Эх, погоню бы надо организовать! – раздосадовано хлопнул ладонями по коленям сидящий в центре посетитель.

– Да какая погоня? Я без сознанки сколько провалялся? Его уже и след простыл.

– А чего он к вам пристал? – спросил хозяин заведения. – Обокрасть хотел?

– Да бес его знает, что ему надо было. Он совсем двинутый, я сразу понял. То все выпытывал, откуда мы идем, не с кордона ли случаем. То какую-то информацию от нас хотел. А потом... потом Ростика завалил. Выхватил мой помповик и братишке дробью прямо в грудь зарядил. На всю башню отмороженный!

– М-да, дела, – протянул Палыч. – Таким уродам только «черную метку» выдавать, не место им в Зоне. Ни за что ни про что нормальных сталкеров валить – это самое худшее, что можно совершить. Без суда и следствия таких на первом суку вздергивать полагается, как в былые времена. Что скажешь, Жвал?

– Про него уже сообщения на все КПК шлют, награду обещают тому, кто изловит негодяя, – ответил тот.

– А кто обещает?

– Вояки.

– Если они его ищут, да еще и денег отваливают, значит, точно отмороженный, это к гадалке не ходи, – подтвердил сидящий у дальнего окна широкомордый клиент.

– И много дают, награды-то? – аккуратно поинтересовался Штопор.

– Прилично, – уклончиво ответил Палыч. – Ты вот что, Расскажи-ка лучше подробнее, где встретился с этим простуженным на всю голову?

– А зачем тебе? Поймать хочешь?

– Может, и хочу.

– Тогда, чур, награду поровну! – выпалил Штопор, грохнув пустым стаканом по барной стойке.

– Ишь, какой приткий! Не смог сам поймать, так дай другим попробовать. Что, жаба душит?

– Мне за Ростика обидно! – надулся тот. – Не себе, родителям его деньги вышлю. У него ведь мать осталась одна за Периметром.

– Да нет у него никого, чего ты мелешь?! – крикнул Жвал. – Он мне сам рассказывал, что сирота, в детдоме вырос.

– Есть, я лучше знаю! – зашипел Штопор. – Мать есть. В Саратове живет. Тебя вообще не спрашивают, сиди там, хлебай свой самогон да помалкивай тихо в тряпочку. Ну, так что? Согласен напо-полам?

– Да не буду я его сам ловить, ек-макарек! Что я тебе, ковбой какой-то из боевика? – разозлился Палыч. – Просто кент есть один из военных, они тут по Периметру Зоны дежурят на постах, наводку дам ему, вот пусть и ловят душегуба. Мне деньги за этого дурака не нужны, мне Ростика жаль. Он нормальный пацан был. И ты почтил бы его память, если бы помог.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Группа особого назначения.

2

Снайперская винтовка Драгунова, 7,62 мм, жаргонное название: «весло»

3

На сленге армейцев – офицер в звании лейтенанта.

4

Карманный персональный компьютер, личный «наладонник»

5

Заместитель командира по боевой части в военных подразделениях.

6

Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

7

Загоризонтная радиолокационная станция для системы раннего обнаружения пусков межконтинентальных баллистических ракет.

8

Объединенный Блок Вооруженных Сил стран СНГ.

9

Портативный датчик аномалий.

10

Боекомплект.

11

Автомат Калашникова складной укороченный, 5,45 мм.

Купити: https://tellnovel.me/volkov_serгей/plenniki-zony-krov-cveta-haki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)